Ник
ПЕРУМОВ
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
ВЕРНОЕ СЛОВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Ник Перумов

Верное слово

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Верное слово / Н. Перумов — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-84706-8

Новый уникальный мир от создателя Упорядоченного…Декан Московского института магии, товарищ Потемкин, отправляет двух своих лучших выпускников, Игоря Матюшина и Машу Угарову, в провинциальный Карманов. Здесь новоиспеченным магам предстоит отыскать грибников, заблудившихся на болоте, где в далеком уже 1941 году были погребены демоны. К счастью, за плечами молодых специалистов не только лучший магический вуз Советского Союза, но и фронтовой опыт, поэтому они сумели определить, что здесь в начале войны схлестнулись с фашистской нечистью наши боевые маги. Но как теперь, когда давнее зло зашевелилось, определить, где свои, где чужие?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84706-8

© Перумов Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог 6
Отцова забота 8
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Ник Перумов, Дарья Зарубина
Верное слово

Это слово ищу на земле
Я – невольник раздумья и чести,
Как печальная ищет во мгле
Память сердца пропавших без вести.

Р. Гамзатов «Верное слово» (1965–1966) Перевод Я. Козловского

© Зарубина Д., Перумов Н., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Летели за окнами пустынные поля, заброшенные дикие полустанки, маленькие провинциальные вокзальчики, где по платформе бродили дородные пёстроситцевые бабы с лотками домашнего печева.

Вихрастый парень в голубой соколке выглянул в окно, проводил глазами длинные лабазы станции, захлопал по карманам – не звякнет ли пара медячков.

– Володя, не будет копейки? Пирогов на станции возьму.

– Много ты разъешься на копейку, – усмехнулся его сосед по купе, угрюмый молодой человек, длинный, усатый и тщательно, волосок к волоску – в шестом-то часу утра – причёсанный. Смахнул с пиджака невидимую пылинку. – Только бы выпрашивать. Знаю ведь, что у тебя, Михась, денежки всегда есть. А ведёшь себя… Иногда признаться тошно, что я с тобой. И не скажешь, что ты маг дипломированный, один из лучших на курсе. Ведь мог вверх пойти. Что ты прилип к своему Потёмкину? Третий год в ассистентах. Думаешь, в аспирантуру возьмёт?

– И возьмёт, – насупился Михаил, – как место будет. Сейчас, сам понимаешь…

– Да я-то понимаю, – самодовольно провёл ладонью по усам Владимир. – То-то он тебя, без пяти минут аспиранта, в деревню отправил. Кур гонять.

– Так не меня одного, – огрызнулся Михаил.

Повисло молчание. Поезд шёл всё медленнее и, наконец, с глухим лязгом остановился у вокзала. Апрельское небо, влажное, синее до боли, отражалось в лужах талой воды. Мимо вагона прошёл рабочий, солнечные зайцы бросились из разбуженной лужи в окна купе.

Угрюмый Михаил вышел на платформу, размял в пальцах папиросу, закурил, глядя под ноги. Владимир выбрался следом, постоял рядом, покачиваясь на каблуках, но так и не придумал, как извиниться, и поднялся в тамбур.

– Кури. – Михаил протянул ему папиросу.

Ещё помолчали.

– Думаешь, не возьмёт меня в аспиранты Отец? – проговорил Михаил почти с отчаянием, обводя взглядом пустое здание вокзала. Словно в ответ ему на втором пути резко вскрикнул гудок пригородного поезда.

Оба вздрогнули. Нехороший знак.

– Может, и возьмёт, кто его разберёт. Декан – человек непростой. Нам про фронтовые его подвиги все уши прожужжали, но сдаётся мне, Мишаня, и осьмушки мы не знаем о том, как товарищ Потёмкин на фронте гидру фашистскую бил. Может, не такие, как ты, ему надобны в аспиранты?

– Это какие – такие? – обиделся за себя и научного руководителя Михаил.

– Простой ты, – спокойно рубанул Володя, затянулся и продолжил: – Прямой, как осиновая жердь. А в большой магии нужны другие: наблюдательные, осторожные. Такие, кто знает, где помолиться, а где и так постоять.

– Как ты, например, – уел товарища будущий потёмкинский аспирант.

– Ну, например, – величаво отмахнулся Володя. Видно было, что всё он давно для себя решил и дорогу свою в светлом будущем видел ясно. – Только не въедешь в большую магию с таким, как Отец. Да, силён, да, умён как бес, а выше декана не прыгнул. Моя ставка повернее твоей будет.

Проводница кашлянула в кулак за спиной магов, попросила занять места. Они погасили сигареты: Михаил – в залитой до краёв водой урне, Владимир – бросив в ближайшую лужу. Скорчившийся окурок поплыл в апрельской синеве между облаками.

– Вроде всё так ты говоришь. Твой посильнее Отца будет и, думаю, пострашнее. Одно слово, Кощей. Только вряд ли ты при нём дальше, чем до «кушать подано», дорастёшь,

Володька. И без меня знаешь, какая у него свита – старого посола, и неслабого. На нас, магов от сохи, свысока смотрят, через губу разговаривают. Просил ведь ты отмазать тебя от этой деревенской идиллии. И что? Мелкая сошка – чёрная вошка ты для Кощея. Только и всего. Охота ли тебе копаться в чужом грязном исподнем с его соглядатаями? Разве не должны быть у мага чистые руки?

– Вот именно, – огрызнулся Владимир сердито, – должны. За этим Иннокентий Януарьевич и его товарищи и следят. И ты, не знаючи, не наговаривай и моих рук раньше времени не пачкай. Думаю, и у Отца, и у половины института рыльце в пушку. Маги магами, а, как латиняне древние говаривали, эраре хуманум эссе. Нет такого мага, человек ли, кто не споткнулся и в грязь не угодил. Но один очистился, а иному не отмыться никогда. И честнее службы, чем обезвредить тех, кто грязью имя революции и страны советской мажет, нет. Что хочешь мне говори!

Маги обиженно замолчали. Владимир сел к окошку, снова закурил, пуская дым верхом. Михаил вынул карты, разложил на столике, задумался, кусая карандаш.

Когда проводница заглянула в купе и предложила чаю, ей никто не ответил. Девушка постояла немного в дверях и ушла, пожав плечами.

У маленького деревянного вокзала городка Карманова их никто не встретил. Маги постояли на платформе, потом на привокзальной площади у запертого газетного киоска, покрутились, не зная, в какую сторону идти. Вправо и влево картина открывалась одна и та же: заросшие сиренями палисады, невысокие домики в один или два этажа, куры да собаки той особенной общероссийской породы, какая скоро выводится в небольших городках, где псов редко сажают на цепь, предоставляя полную свободу.

Раз или два кто-то забрехал на них из-под калитки. Курица кинула грязный ком на блестящие сапоги Володи, и он обругал её вполголоса, вызвав ещё один заливистый приступ лая из ближнего палисада.

Наконец маги отыскали на дальней улице бредущего с ночной смены старика, который указал им, где искать контору.

Председатель горисполкома сердито швырял сапогом комья грязи, перепачканный шофёр копался в заглохшем «уазике», непрерывно бранясь сердитым шёпотом. Маги представились, подписали документы. Оставили чемоданчики в исполкоме и, не желая задерживаться в захудалом Карманове и с явным намерением уехать вечерним поездом, отправились на место.

Стоит ли говорить, что к вечеру они не вернулись.

Председатель с дюжиной добровольцев с неделю или около того разыскивал чужаков в ближайших лесах, но не преуспел. Телеграммы в столицу давать не стал, а звонить побоялся – прибрал чемоданчики пропавших магов и самолично отвёз в Москву, в институт, из которого те прибыли.

Отцова забота

– Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!..
Борис Васильев. «А зори здесь тихие…»

– Угарова! Матюшин! Машка, Игорь, оглохли, что ли?

Машка обернулась первой. Она всегда реагировала на долю секунды раньше Игоря. И раньше, в детстве, когда умудрялась осалить его, едва игра начнётся, после чего Игорю приходилось гоняться за ней по двору, пока Машке самой не надоест бегать. И потом, на фронте, когда фриц уже выцеливал его из засады, но Машка успела выстрелить раньше. За тот фронтовой должок Игорь так и не рассчитался, – их развела война, его на Первый Украинский, её на Первый Белорусский – зато понакопил новых за время учёбы. То там Рыжая вытянет, то тут подскажет. Вот и сейчас оказалась быстрее – перехватила бегущего Фимку, выросла перед ним, не дав налететь на Игоря.

– Ефим, ты чего кричишь?

– Чего, чего! Декан срочно вызывает, вас обоих. Виктор Арнольдович сказал, немедля, мол, из-под земли, Ефим…

– Иди в баню, Фим, – оборвал Игорь, – честное слово, не до шуток. Ты-то уже отмучился. А нам ещё до распределения…

– Два пучка нервов и один холодный труп, если будешь куражиться, – саркастически подхватила Угарова. – Так что… ха-ха отменяется. В очереди стоим. Талоны на светлое завтра получать.

Стояли они вовсе не в очереди, а в холле второго этажа возле большого окна. Очередь была рядом, за поворотом коридора.

Возле одной из аудиторий, где на высоких массивных дверях красовалась начищенная бронзовая табличка «Государственная комиссия по распределению», в коридоре толпилось около сотни парней и девчат. Почти половина ребят – в несколько уже поношенной, хотя сегодня вычищенной и отглаженной военной форме, очень многие – с жёлтыми и красными нашивками за ранение на правой стороне груди и орденскими колодочками на левой. Остальные были в тёмно-синих двубортных костюмах с петлицами, явно форменного вида. И тут у многих виднелась россыпь наградных лент. Девчонки надели строгие, за колено, тёмные платья. И только те, кто не успел повоевать или не хотел вспоминать о том, что успел, оделись так, как велела погода, – в светлые пары и восьмиклинные платья, явно перешитые из чьих-то довоенных нарядов.

Форменное платье было и на стоявшей у окна Машке. Игорь был уверен: Угарова наденет другое – зелёное, цвета травы. Она ещё на фронте всё мечтала о том, как выучится и придёт на распределение в зелёном. Но, видимо, передумала. Кто её поймёт?..

За окном виднелись недавно подстриженные старые каштаны, скамейки, где уже рассаживались счастливцы, получившие распределение. Кто-то радостно размахивал руками, рисуя размашистыми жестами блестящую картину собственного будущего. Кто-то хмуро ковырял носком начищенного сапога пробившуюся между каменными плитами травку. Не повезло – не в секретный институт, не на самоновейший завод, а куда-нибудь в глубинку, поднимать сельское хозяйство или выковыривать из полей и готовящихся к осущению болот оставшуюся с войны смертоносную «память»: неразорвавшиеся снаряды, мины…

Машка отвернулась от окна. Уселась на подоконник. Игорь не мог оторвать взгляда от заполняющегося выпускниками двора.

– Я получил, – не утерпел Фимка, уж очень хотелось похвастаться. – В институте останусь, на кафедре непрямых и скрытых воздействий. А вам Арнольдыч как раз и велел передать, мол, за распределение надо поговорить. Так что давайте, давайте, ноги в руки и вперёд! Отец ждать не любит.

Виктор Арнольдыч, и правда, был из тех, кто ждать не умел. Да и где ему было научиться? – каждое слово его исполнялось мгновенно, потому что от одного укоризненно-печального взгляда декана всё внутри переворачивалось, и казалось, что ты не урок недоучил, не лекцию пропустил, а Родину предал. Он никогда не повышал голоса, со всеми был дружески ласков. И потому все звали декана просто Арнольдычем, а чаще – Отцом. Не по фамильярно-фронтовому «батей», который и от «губы» отмажет, и на что иное глаза закроет, коль дело знаешь, а именно Отцом. Строгим, но справедливым. Даже присказка имелась у старших курсов – «Бога побойся, Отца не позорь». Словно наделили декана особым даром, не то чтобы магическим – магов здесь на каждом углу хватало. Просто было в нём что-то, в добром мудром взгляде, в тембре голоса, от чего – попроси он что угодно – отдежурить лишний день, сгонять в город с документами, выучить за ночь новую тему и назавтра лекцию младшим курсам прочитать – хотелось тотчас броситься: выполнить, выдержать, оправдать.

– Идём, Игорёк. Девчонки! Света, Таня, очередь подержите? Арнольдычу мы зачем-то понадобились…

– Ещё б не понадобились, вы ему экзамены лучше всех сдали, – буркнула блондинистая Татьяна, холодно глядя на Машкину верхнюю пуговицу. Маша подобралась, готовая ответить колкостью.

– Не завидуй, Танюха, всё равно ты самая красивая девушка на курсе! – разрядил обстановку Игорь.

Машка фыркнула и зашагала по коридору. Игорёк насмешливо козырнул зарумянившейся Таньке и в два широких шага догнал подругу.

– Маш, ну не обращай внимания, – заговорил он, – ты лучшая. Все же знают, хотя кое-кому это и поперёк горла.

– Я не лучшая и в лучшие не набиваюсь, – отозвалась Машка, – я просто учить умею.

– Вот я и говорю – лучшая, – улыбнулся Игорь. – Не переживай так, ничего плохого Отец не скажет. Может, он нам что-то получше выбрал. Тебе – как надежде магической науки, а мне – как твоему главному прихвостню и прихлебателю.

Машка напряжённо улыбнулась. Отчего-то к Отцу она всегда шла с неохотой, хотя – Игорь знал – боготворила его, как и остальные на курсе. Но в том была вся Машка – не умевшая, как все.

В просторных, светлых коридорах сновали стайки студентов. Машкины каблуки чётко выбивали часовой звук из натёртого до блеска паркета. С портретов на стенах смотрели солидные академики и доктора наук. Игорь попытался представить себя на одном из этих портретов – нет, не получилось. Студентом, солдатом – мог, даже штатным магом в каком-нибудь небольшом городке, лучше на севере. Северная надбавка при их образовании – серьёзные деньги. Матери бы отсылал с братишками и сёстрами, по аттестату. А на портрете в альма-матер лучше смотрелась бы Рыжая. Хотя зря её прозвали Рыжей. Волосы у Машки были скорее цвета червонного трофейного золота. Был у Игоря раньше брегет, у мёртвого немецкого офицера взял. Девчонке одной подарил, когда с войны вернулся. Девчонка уже замужем та, а брегет Игорь помнил. Золотой, настоящий, с зелёным камнем.

Сейчас пожалел, что Машке не подарил. У неё на фронте волосы коротко острижены были и выгорели до рыжеватого, вот и не заметил, что цвет тот же. Только глаза у Машки не зелёные, а серые. Когда смотрит строго, кажется, что на грудь мраморную плиту положили. Этого взгляда многие боялись.

Ребята и девушки группками сновали туда и сюда, окунались в солнечные лучи, бившие сквозь высокие арчатые окна, словно купались в них; кудри девчат радостно светились.

Выпуск. Распределение. Молодые специалисты получают дипломы, нагрудные знаки и направления на работу – как писали в газетах, «во все концы нашей необъятной Родины». Строго, но по-родительски смотрел на весёлую молодую кутерьму бронзовый Сталин. Игорь бросил быстрый взгляд на фигуру вождя. Машка глаз не подняла, задумалась, ещё ниже опустила голову и прибавила шагу.

На календаре была пятница, двадцать второе июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года.

Старинное здание в центре Москвы знавало всякие времена. Было оно построено как юнкерское училище, по последнему слову тогдашней техники: с огромными классами и амфитеатрами аудиторий, гимнастическими залами и неоглядным плацем. После революции юнкеров не стало, а вот иные преподаватели так и остались. Да и чего было б не остаться? Если дело своё знаешь, кто ж тебя тронет?

Девушка в синем и парень в офицерской форме торопливо шли по коридору. Игорь то и дело кивал кому-то из знакомых. Мраморная лестница с гипсовыми бюстами античных учёных и магов в нишах. Высокие белые ступени с едва различимыми розоватыми и серыми прожилками.

А если сбежать по этим, любому дворцу на зависть, ступеням до самого низа, распахнуть тяжеленные двери с бронзовыми ручками и завитками, чуть отойти и повернуться, – откроется скромная чёрная табличка. На первый взгляд обычная вывеска учрежденческая, каких тьма-тьмущая от Калининграда до Петропавловска-Камчатского и от Нарьян-Мара до Кушки. Однако, если прочесть красовавшиеся на табличке золотые буквы…

«Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Московский ордена Трудового Красного Знамени институт гражданской и оборонной магии».

Они миновали парадную лестницу и теперь бежали через бывший плац. В двадцать первом году, едва кончилась Гражданская, здесь посадили парк – первые студенты и первые профессора, кого удалось собрать по всей матушке-России. Потом, правда, многие вернулись из эмиграции – и ученики, и преподаватели. Прошлое тут поминать было не принято. За тридцать лет деревья разрослись, поднялись высоко, роскошные кроны сплелись над дорожками – тут, конечно, постарался факультет растениеводства. На головы Маши и Игоря упала зелёная тень, защебетали птицы – если глаза закрыть, то кажется, словно ты в самом настоящем лесу.

Кабинет декана располагался в дальнем корпусе, рядом с ректорским. Здесь народу почти не было – оно и понятно, преподаватели на распределении.

Дверь в приёмную Виктора Арнольдовича Потёмкина, доктора магических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР, украшали вычурные бронзовые и каменные маски. В любом другом учреждении (ну, кроме министерств внутренних дел и государственной безопасности) это смотрелось бы дико. Но не здесь. Отец сам не жаловал этой вычурности и помпы, но менять ничего не велел, мол, так заведено. Нужны людям атрибуты власти и могущества – пусть будут. Истинная сила – она не в атрибутах.

Как всегда, маски взглянули на посетителей холодно и подозрительно. Как всегда, Маша с Игорем кивнули, прошептав слова-пропуск. Распахнулись тёмные дубовые створки.

Секретарша Нина Вейнгардовна ласково кивнула выпускникам:

– Заходите, заходите, Угарова. И ты, Матюшин. Как сапоги-то начистил!.. Виктор Арнольдович пока занят, вы…

Она не успела договорить. Одна из створок двери в кабинет Отца отворилась, и выпускники замерли, точно первоклашки, вызванные на ковёр к директору. И было от чего. Никак

не ожидали они, что из кабинета декана выйдет… первый заместитель председателя Комитета госмагбезопасности Иннокентий Януарьевич Верховенский.

«И правда, Кощей. Как в сказке», – подумал про себя Матюшин и тотчас похолодел. Словно прочитав эти мысли, посетитель деканского кабинета глянул на него и едва заметно усмехнулся тонкими бледными губами. Холодно блеснули очочки на хрящеватом длинном носу.

– А, молодые кадры, – приветливо и чуть по-стариковски произнёс страшный гость. Но приветливость тотчас слетела с него, едва опустились уголки губ. Вид у старого мага стал надменный и брюзгливый.

– Изволите чаю, Иннокентий Януарьевич? – засуетилась перед гостем Нина Вейнгардовна.

– Изволю, голубушка, но в другой раз. Недосуг нынче, дела. Вот и к вам… – старик погладил длинными пальцами впалые щёки, – …по делу. За содействием, так сказать, к дорогому Виктору Арнольдовичу. Но и вы, верно, по делу и за содействием. – Губы старика дрогнули в улыбке. – Вот и торопитесь, друзья мои, торопитесь. Молодость, она скоро проходит, да-с.

Он вышел. Секретарша с облегчением выдохнула и опасливо покосилась на выпускников. Машка, казалось, так была поглощена какими-то своими мыслями, что даже не заметила этой небольшой сцены. Игорь решил тоже не подавать виду, что визит к декану жуткого мага из госбезопасности встревожил его. Мало ли в каких делах помогает правительству Отец. Кто знает, может, ждёт их сейчас особое задание и самим получится Родине послужить. Как на фронте.

– Проходите-проходите, – кивнула на приоткрытую створку двери кабинета Нина Вейнгардовна.

Проходя мимо зеркала, Маша, само собой, покосилась, взглянула и тотчас поморщилась, принявшись одёргивать и оправлять слишком длинное и свободное в груди платье.

Двойные двери. Не простые – из танковой брони. Ходили слухи, что эти броневые листы Арнольдыч, закончивший войну генерал-майором, велел снять с лично им уничтоженных в Берлине «королевских тигров», когда последние фрицы попытались вырваться из кольца. Но это, разумеется, были только слухи.

В кабинете царил полумрак. Окна тщательно зашторены, горит только зелёная лампа на просторном письменном столе. Стены отделаны морёным дубом, и по ним тоже развешаны бесчисленные талисманы и обереги. Создать универсальную защиту пока никак не удавалось.

Декан поднялся Маше и Игорю навстречу. Немолодой и погрузневший, лысоватый, с обгорелой левой щекой – фронтовая память, – он скорее напоминал провинциального счетовода, нежели заслуженного учёного, мага и профессора.

– Здравствуйте, ребята. – Он указал на длинный кожаный диван вдоль стены. – Садитесь. Как полагаете, зачем я вас вызвал?

Отец часто начинал разговор так, когда речь шла о неприятном. Вопрос хоть и был риторическим, но невольно в груди поднималось желание оправдаться – не важно, за что. Если уж Отец посадил тебя на диван и спрашивает, есть за что оправдываться.

– Фимка… То есть староста товарищ Кацман сказал, что насчёт распределения… – осторожно ответил Игорь, стараясь изгнать из памяти пренебрежительно-надменное лицо Верховенского. Ему очень хотелось пригладить не поддающиеся никакой расчёске вихры, но руки словно присохли, вытянутые по швам, как и положено при стойке «смирно».

– Вольно, Матюшин, – заметив, усмехнулся Виктор Арнольдович. Припадая на левую ногу, похромал к дивану. – Садитесь, садитесь. Разговор неофициальный. Хотя тебе, Игорь, за пару твоих шуток… – Он погрозил пальцем. – Одних мышей твоих вспомнить, к девушкам ночью на Восьмое марта запущенных…

Игорь сконфуженно уставился в пол. Щёки быстро заливало румянцем, зато от души отлегло. Будь разговор тяжёлым, не стал бы декан поминать тех мышей.

– Виктор Арнольдович, товарищ декан… – Маша осеклась, так и не договорив. Добрый, ласковый взгляд декана заставил её опустить глаза.

– Не о Гошкиных шалостях речь, – невесело улыбнулся Потёмкин. Вздохнул, поморщился, поудобнее передвинул больную ногу. – У меня для вас, ребята, есть персональное распределение.

– Персональное распределение? – только и смог пробормотать Игорь. Это был удел отличников, сталинских стипендиатов, а он – нормальный хорошист, и четвёрок поболее, чем одна. Диплом, правда, на пятёрку, но… Может, за компанию с Машкой решил Отец и его запихнуть в какое-нибудь индивидуальное «светлое будущее»?

– Персональное. Вы ведь одноклассники, одногодки, из города Карманова?

– Так точно, – вырвалось у Игоря привычно-военное.

– Вот именно. Вместе росли, вместе учились… – Декан пристально взглянул на них, и Машка тотчас покраснела, потянулась рукой поправить волосы, но остановила себя.

– Мы просто друзья, Виктор Арнольдович. Друзья с детства, с одной улицы…

– Это-то и хорошо, дорогие мои. Громких слов говорить не стану, просто скажу, что пришёл из города Карманова запрос… сразу на двух наших выпускников. Горсовет слёзно просит, в главке мне ответили – на ваше, товарищ Потёмкин, усмотрение. И я подумал о вас. Вы, Мария Игнатьевна, и вы, Игорь Дмитриевич, распределяетесь в распоряжение председателя Кармановского горисполкома.

Игорь ошарашенно посмотрел на Машку. Рыжая подняла глаза на декана, и тот не выдержал этого тяжёлого мраморно-серого взгляда. Поднялся, подошёл, остановился напротив Машки и Игоря.

– Что, удивлены? – словно объясняясь за своё решение, проговорил он, только к чему было объясняться, Игорь понять не мог. – Конечно, я бы тоже удивился. Не на стройки пятилетки, не на восстановление разрушенного, даже не на борьбу с той нечистью, что на наших западных границах бродит. Но в том-то и дело, что маги, они всюду нужны. В иных местах и без них справятся – инженеры, врачи, шахтёры или строители, хотя с чародеями, конечно, легче дело пойдёт; а есть места, где только маги и помогут. Что спросить хочешь, товарищ Угарова?

– Что же… что же там случилось, Виктор Арнольдович? В Карманове? И почему… мы?

– Не волнуйтесь, Машенька, ничего там не случилось, – с неожиданной теплотой в голосе заверил Арнольдыч. – Просто выпала такая возможность. Ни одного чародея там не осталось, ни в больнице, ни в милиции. Не говоря о сельхозотделе или горздраве. Вот они и просят, просят, а где ж на всех чародеев-то враз напасёшься? Городок мелкий, кто о нём помнит? Стройки и заводы волшебников требуют, министры, руководители главков у меня в приёмной сидят, дверьми, случается, хлопают, ругаются, мол, подавай, Потёмкин, специалистов! А только не зря я деканом стал и войну не зря прошагал от Бреста до Берлина, а потом ещё и в Порт-Артур заглянул; и партия мне не зря вот это вот дала, – он указал рукой на стену, где в простой рамке висела внушительного вида бумага с большим гербом наверху и золотым тиснением по краям. – Лично товарищ Сталин вручал. Каждому из наших деканов. Что, если видим мы некую неотложную необходимость, по собственному пониманию, то можем отказать и замам, и завам. Вот я и отказал. Поедете домой…

Машка как заворожённая смотрела туда, где висела заветная гербовая бумага, но, приглядевшись, Игорь понял, что смотрит она не на неё, а левее, где в тени на полке стояла маленькая карточка. Жёлтая и нечёткая с одного края. Видно, дрогнула рука у фотографа.

Со своего места Игорь не мог разобрать, что там, на карточке. И Машка не могла. Далеко, темновато в кабинете. Но Рыжая будто знала, кто на ней. И смотрела словно в последний раз.

Может, и правда, последний. Едва ли вернутся они в стены альма-матер. Останутся в своём Карманове… при сельхозотделе или горздраве.

– Ты что, Маш, расстроилась? – заметив её взгляд, спросил Виктор Арнольдыч, по-отечески тронул Машку за плечо. – Думала, по-другому сложится? Так ведь по-всякому бывает. Мало ли как мечтается…

– Я, когда поступала, думала, нужное что-нибудь сделать сумею, важное, настоящее. Ведь при горздраве можно и после медучилища остаться. А маги – они для другого, для подвига. – Машка покраснела и не смела встретиться глазами с сочувственным взглядом Отца.

– Подвиг, Машута, он разный бывает. – Декан подошёл к полочке и взял в руки снимок, на который совсем недавно смотрела Машка. – И не магия для него нужна. Нужна верность. Своей стране, своему делу. Иногда за эту верность кровью платят. Ты это хотела посмотреть?

Он протянул Машке фотокарточку. Надпись в самом уголке убористым аккуратным почерком: «23 июня 1941 года. В.А. от группы 7». На фото – девять девчонок. Все в форме. Новенькие кители, блестящие сапоги.

– Это они? «Серафимы» из седьмой? С вашей кафедры, Виктор Арнольдыч?

Декан кивнул, так и не посмотрев на снимок.

«Серафимы» – называли их потом в секретных сводках, а немцы прозвали «Чёрными ангелами». По правде, Серафимой была только одна. Староста. Сима Зиновьева, высокая, с толстой пшеничной косой и едва приметным волжским говором. Было две Оли, Колобова и Рощина. Колобова – худенькая и чернявая, Рощина – полногрудая, мягкая, с добрыми материнскими глазами. Была Леночка Солунь. Умница, трудяга, молчунья. Была Нелли Ишимова, которую на курсе за чёрные с поволокой глаза звали «грузинской княжной». Юля Рябоконь, большеглазая, веснушчатая, кудрявая, как весенняя ольха. Была Поленька Шарова – в метрике значилась как Пелагея, но с самого первого дня потребовала, чтобы называли её только Поленькой. Девчонки привыкли, преподаватели тоже. Виктор Арнольдыч тоже привык. Пусть будет Поленька. Нина Громова, спортсменка, бегунья. Сколько раз спрашивали её, отчего пошла в маги. В институт физкультуры и спорта взяли бы без малейшего сомнения, а в магический только с третьего раза поступила. И была Сашка Швец, бестолковая, смешливая, громкая.

О них на «Т»-факультете, факультете теоретиков, знали все. Их помнили заслуженные профессора, помнили учившиеся с ними студенты, сами ставшие сейчас, десять лет спустя, ассистентами и преподавателями. Были другие портреты «серафимов» – в институтском музее боевой славы. Парадные, политически грамотные, где – как и на всех парадных портретах – выглядели девчонки старше и суровей, как и положено погибшим за свою страну героям Советского Союза, а не вчерашним школьницам «ускоренного выпуска». На крошечной фотографии в кабинете декана были настоящие, не отретушированные войной молоденькие девчонки-маги, пока ещё больше «ангелы», чем безжалостные фронтовые «серафимы» первого военного года.

Из-за парт девчонки ушли сразу на фронт, угодив в самый ад лета сорок первого. Их не разделили, не разбросали, оставили вместе, образовав «спецгруппу».

Так родилась легенда о «Чёрных ангелах». Боевых магах, пожертвовавших всем, чтобы хоть ненадолго, но задержать рвавшиеся к Москве железные колонны вермахта. Три месяца страшной тенью висели они над наступавшими немцами – нападали на штабы и тылы. И там, где проносилась неуловимая девятка, не оставалось ничего живого, кроме редких счастливчиков, лишившихся рассудка от творившегося кошмара и не способных ничего рассказать даже лучшим дознавателям из Аненэрбе и Туле.

Три месяца Сима и её подруги наводили ужас на добрую половину немецкой группы «Центр». Три самых тяжких, страшных, кровавых месяца. Они были невидимы, вездесущи, неодолимы. Взорванные мосты, груды металлолома на месте стремительных танковых колонн,

похищенные вместе с важнейшими приказами высопоставленные офицеры – список можно было длить и длить.

«Чёрные ангелы». «Серафимы». Красивое прозвище. Хоть и звучит как-то не по-советски…

Но не дождались «товарищи ангелы» Победы. Отряд пропал без вести в сентябре сорок первого. Говорили, что немцы, осатаневшие от неудач, каким-то образом ухитрились взять «серафимов» где-то в лесах под Смоленском. И расстреляли. Хотя – сумей они дотянуться до самого жуткого своего кошмара – верно, не стали бы просто стрелять. Припомнили бы каждую потерянную колонну, каждый развороченный мост… Полон такими красными мучениками, советскими ангелами, незримый иконостас прошедшей войны.

Но находились те, кто уверял: девчонки из седьмой группы не дались бы ни простому фрицу, ни даже их фронтовым магам. На пути их оказалось такое колдовство, что выстоять бы смог разве что сам Отец…

– Вы были с ними? – Машка умоляюще заглянула в глаза декану, надеясь, что он продолжит рассказ.

– Был, Машута, – проговорил он с гримасой боли. Видно, старая рана не позволяла декану так долго стоять на одном месте. Виктор Арнольдыч медленно прошёлся вдоль полок, растирая ладонью нывшее бедро. – Был почти до самого конца. Мы ж вместе из класса вышли. Я за них отвечал. Но – маги, ты знаешь, на войне везде нужны: вызвало командование, обсудить – не приказать, заметь, «обсудить» только! – переброску «серафимов» на новый участок, мол, здесь они работу свою уже сделали, ерунду только всякую подчистить, без тебя, товарищ Потёмкин, довершат. А когда вернулся – сказали, нет больше седьмой группы. Оставил, что называется, без отцова присмотра…

Декан замолчал. Понурился, глядя на старую фотографию. Игорь, уже давно вертевшийся как на иголках, наконец улучил момент и пихнул Машку локтем в бок: мол, чего прицепилась? Арнольдыч пожилой уже, живого места, считай, не осталось, а ты ему соль на рану сыплешь. Мало ли какое в войну бывало. Сама знаешь.

Машка сердито глянула на Игоря.

– Только девчонки мои не на подвиг шли, когда отсюда на передовую отправлялись. Подвигов из них никто не желал. Сашка замуж хотела. Сима – в аспирантуру поступить и преподавать здесь. Если бы не фрицы, не потребовалось бы им никакого героизма. И я только надеюсь, Маша, что магия тебе с Игорем не для геройства сгодится, а для работы. Нудной порою, скучной такой работы. Маги сейчас стране очень нужны. Предгорисполкома Карманова Скворцов Иван Степаныч, знакомец мой ещё по Гражданской, он вам скажет, что делать. Дипломы получили?

Молодые люди молча кивнули.

– Отлично. Вечер вам на сборы. Поезд в двадцать три пятнадцать с Курского. Купейный вагон. Вот билет… Вот плацкарта…

– Виктор Арнольдыч, а выписаться? А обходной лист? Сегодня ж пятница, поздно уже, – начал было Игорь.

– Обходной подпишете в учебной части у Нарышкиной, Марфа Сергеевна уже в курсе. – Снова став собранным, деловитым и по-отечески ласковым, Арнольдыч вернул карточку на полку. – С паспортами идите прямо в особый отдел, Федотов тоже всё знает. Много времени это у вас не займёт. Так, смотрим в пакет… направление… аккредитив на подъёмные, получите тотчас по приезде в Кармановском госбанке… правда, не раньше понедельника, конечно… с направлением вам сразу должны общежитие дать. Жаль, что вы у нас не женаты, так бы сразу в очередь на квартиру поставили…

– Да у нас же там семьи… родные… Вы не беспокойтесь, Виктор Арнольдович, без жилья не останемся! – заверил Игорь, которому всё ещё неудобно и как-то совестно было за Машкины расспросы о «Чёрных ангелах».

– Вы мои ученики, Матюшин, я за вас всегда беспокоиться буду. И… вот ещё.

Арнольдыч подошёл к Маше, вытянул из-за ворота серебряную цепочку с небольшим крестиком. Снял с себя и поманил Рыжую ближе, показав, чтобы нагнула голову и убрала волосы с шеи.

– Так я атеистка, Виктор Арнольдыч, – проговорила Машка. – Неужто вы в кресты верите?

– Ну-ка, дорогая моя Мария свет-Игнатьевна, не заставляй меня думать, что экзамен по символистической магии ты, чего доброго, со шпаргалкой сдавала! – Арнольдыч погрозил пальцем. – Историю креста как аттрактора забыла? Кто – и для чего! – его использовал, когда об Иисусе Христе никто и слыхом не слыхивал?

Маша немедленно покраснела. Игорь неловко завозился на диване – переживал за подругу.

– Что вы, Виктор Арнольдович… какие шпаргалки… Мы, советские студенты…

– А раз советские, так и отвечай – крест как оберег когда в могильниках первомагов встречаться начинает?

– Культура боевых топоров, примерно две тысячи лет до нашей эры, в могилах как мужчин, так и женщин, которых хоронили, в отличие от других, лицом вверх и вытянувшимися во весь рост, стали обнаруживать каменные кресты, которые… – ощутив себя в привычной стихии, Маша понеслась во весь опор.

– Молодец, молодец. – Виктор Арнольдович довольно улыбнулся. – Видишь, сама всё вспомнила. А ведь те первомаги, из примитивного общества, кое-что такое могли, что и мы, нынешние, предпринимаем только с великой осторожностью. Крест – это не только у православных или католиков. Сильный знак, древний. Ну-ка, аналогичная руна у скандинавов?..

Но молодого специалиста Марию Угарову, конечно же, так просто не поймаешь.

– Три крестообразных руны представляли собой совокупность…

Декан улыбнулся – как обычно, ласково и отечески.

– Очень хорошо, Маша. Вот и помни, что крест в руках талантливого мага – а ты талантлива, Мария, очень талантлива! – сильнейшее оружие. Считай это… отцовской заботой. Вы ведь мне все, ребята, как дети. За каждого душа болит. Да! Последнее… – Он взял со стола небольшую плотную карточку. – Здесь мой номер. Прямой. Если что случится – звоните. Мне непосредственно. Всё поняли? Но будем надеяться, что не пригодится.

Они только и смогли, что кивнуть. Машка, глядя на декана широко открытыми от изумления глазами, опустила крест за ворот. Игорь аккуратно спрятал карточку с номером в нагрудный карман.

Арнольдыч повернулся к ним спиной и, захромав к столу, махнул: идите, мол.

Обычно подписывать обходной лист – мука мученическая, особенно в фундаменталке. Непременно сыщется какой-нибудь талмуд, взятый впопыхах перед госами и напрочь забытый под столом. Однако на сей раз всё прошло на удивление гладко. Чопорная и строгая Нинель Николаевна лишь мельком взглянула на формуляры, сухо кивнула, не разжимая тонких губ, и поставила закорючку. Остальное и вовсе оказалось просто.

– Постарался Арнольдыч, нечего сказать.

Они стояли на крыльце общежития. Пока Игорь докуривал папиросу, поставив рядом оба их дешёвых фанерных чемоданчика, Машка, положа голову на руки, наблюдала, как мимо её лица проносятся облачка папиросного дыма.

– Я Нинели боялась до дрожи. Карандышева-то посеяла, оба тома, думала, она с меня живой кожу сдерёт…

– У меня то же, – Игорь выбросил окурок. – На лабах по общей магии за мной Геймгольц числился, я уж всю голову себе сломал, куда делся – не упомню. А тут к Михалычу пришли – у меня там чисто.

– Арнольдыч молодец, – с чувством сказала Маша. – Не даст Отец в обиду.

– Угу. Только вот зачем он нас в Карманов-то запихивает? Ну что нам там делать, Машк? Мы с тобой теоретики. Ты диплом ведь по Решетникову писала? Частное решение? Граница сред?

Машка кивнула, развернула барбариску и забросила за щёку.

– Зачем в Карманове специалист по частному решению общей системы уравнений Решетникова, описывающей тонкие и сверхтонкие взаимодействия при трансформации объектов на границе М-среды? Там лекари нужны, землеведы, агрономы. Погодники. Сыскари, в конце концов, если в милицию. А мы с тобой?

– Может, других не нашлось? – неуверенно предположила Маша.

– Ну да, не нашлось. Бумагу видела? И предписание… – Он достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный листок. «Прибыть в распоряжение председателя Кармановского городского совета народных депутатов… товарища… не позже девяти ноль-ноль двадцать пятого июня…». Это в понедельник, значит, с утра явиться надо будет. Куда нас распределили-то? В горисполком? В горсовет? Зачем горсовету или даже исполкому два мага-теоретика?

– Да что ты ко мне привязался? Знаю я, что ли, – не выдержала Машка.

– Прости. – Игорь подхватил оба чемодана, свой и подруги. – Сердце не на месте. Не люблю, знаешь, такого. На фронте когда хорошо? Когда всё по уставу делать можно. А как самодеятельностью надо заниматься, так все знают, что дело табак. В сорок пятом, помню, уже на Одере мы стояли, Берлин видать было, меня только взводным назначили, а фрицы собрали откуда-то последних магов с танками да как вдарили по флангу армии. Разведка проморгала…

– Ага, меня ж тогда в Померанию от вас отправили. Восточнее, но говорили про вас, помню. Ещё думала всё, только бы ты жив остался. – Она опустила голову, слегка покраснела. – Надеялась, вдруг тебя перевели куда-нибудь внезапно, да хоть бы ранили легонько и в госпиталь упекли. Только бы тебя в той мясорубке не было. Не хочу вспоминать, Игорёш. Давай не будем.

Игорь кивнул. Помолчали немного, но невысказанная мысль будто жгла изнутри.

– Я просто сказать хотел, – заговорил он снова, – тогда вот тоже, всё спокойно, всё хорошо. Принимайте взвод, товарищ младший лейтенант, да акт не забудьте подписать. Сейчас не сорок первый, всё по порядку должно быть, по уставу. За недостающее распишитесь, подмахнёте не глядя, а потом головы не сносить за утрату, скажем, ДШК.

– Хороший взвод был, если «дэшки» имелись…

– Комбат запасливый оказался. Но я ж не к тому. Нутром чую, будет нам там пакет огурцов с иголками.

– Да ну тебя, – отмахнулась Машка. – Ничего не будет. Можно подумать, ты кармановских не знаешь. Будет работа, рутина… Хорошо хоть домой.

В поезде на Карманов купейный вагон оказался всего один. Народ попроще, женщины в цветастых платьях и платочках, мужички в потёртых пиджаках и кепках заполняли плацкартные вагоны. Маша с Игорем, при полном параде, сверкая новенькими белыми «поплавками» на правой стороне груди, протянули билеты дородной проводнице.

– О, товарищи маги! – улыбнулась та. – Только что выпустились?

– Так точно, – изжить военное Игорь никак не мог.

– До Карманова, значит… Утром рано приедем, полшестого. Я разбужу. Бельё постельное чтобы успели сдать.

Москва проводила тёплым моросящим дождиком. За окном мелькали редкие фонари, пронзительно-голубые в густом сыром сумраке. Тоскливый стон трогающейся машины, гудок. Поползли назад пути и стрелки, тёмные туши вагонов, зверообразные дизеля, заснувшие до утренней зари; а потом поезд вырвался за кольцевую железку, колёса стучали всё увереннее, всё быстрее, а за окнами быстро сгущалась темнота.

Машка успела переодеться и сейчас сидела, завернувшись в тонкое казённое одеяло, подтянув колени к груди. Игорь, словно заворожённый, замер, глядя в оконное стекло, где не было видно ничего, кроме его же собственного лица.

Как ни просила Машка не вспоминать прошлого, не получалось. Всплывали в голове бои, обрывки фронтовых разговоров. Серые, как на старых фотографиях, лица товарищей.

Игорь смотрел в окно, Машка – куда-то в угол, куда не падал свет лампы под потолком. Там затаилась, подрагивая в такт ходу поезда, треугольная тень от края верхней полки.

Несколько далёких огней мелькнули вдалеке. И скрылись за деревьями. И отчего-то обоим молодым людям вспомнилось, как фрицы подошли к Карманову.

Как же такое забудешь, ту жуткую осень не сотрёт даже победная весна. Когда рухнул фронт на севере и наши отступали на юге, Карманов остался… в стороне. Последних мобилизованных торопливо отправили куда-то в тыл, милиционеры появились на улицах с карабинами, а горком партии призвал всех «крепить нерушимый советский тыл». Даже противотанковые рвы стали было копать, но опоздали, потому что фрицы, нащупав брешь, устремились туда всеми силами, растекаясь, словно гной.

Немногие части, вырвавшиеся из кольца, отступали. Весь Карманов высыпал на улицы, когда на проспекте Ленина, в центре города, укатанном свежим асфальтом, а на западе за почтой превращавшемся в грунтовое шоссе, появились усталые солдаты.

Вид у них был совсем не бравый. Покрытые потом и пылью, многие с повязками, они торопливо принимались рыть окопы на самой окраине городка.

– Фрицы! Фрицы идут! На танках прут! Тьма-тьмущая!

К несчастью, особенных войск в Карманове как раз не случилось. Эшелоны простучали колесами, направляясь куда-то на юг, на станции они останавливались, лишь спеша утолить голод и жажду трудяг-паровозов, жадно глотавших из чёрного жерла водокачки да грузившихся углем.

На площади перед горкомом (там же, где горсовет и горисполком) собирались ополченцы: обещали выдать оружие. Увы, склады оказались заперты, и не просто на замок, а запечатаны какими-то хитрыми магическими скрепами, и, пока с ними возились, за рекой поднялись столбы пожаров.

Было тихо, накрапывал дождик. Стоял серенький осенний день, каких в конце сентября хватает по великой Руси, когда уже отошло погожее бабье лето. За речкой Карманкой тянулись заливные луга, за ними – лес, прорезанный рельсами, убегавшими на запад к Орлу. Оттуда к набрякшим тучам лениво и неспешно поднимались неподвижные столбы дыма.

– Михеевка… Михеевку жгут… – пронёсся по кармановским улочкам всеобщий вздох.

– И Маркино…

Пожарища вспыхивали по огромной дуге, продвигаясь всё дальше и дальше на юг и на север. Ветер дул с запада, он нёс гарь. И народ в Карманове, даже повесив на плечо старый карабин с ещё царскими вензелями, лет этак тридцать пролежавший в арсенале, смотрел на вздымающиеся дымы не то чтобы с растерянностью или страхом, но с каким-то странным неверием, словно ожидая, что вот-вот всё кончится. Наваждение сгинет, и это окажется лишь страшным сном.

Пронеслись над городом две пары самолётов, с заката на восход, но наши или немцы – сказать никто не мог, слишком высоко. Бомб, однако, никто не бросал, и общество решило, что точно наши. Немцы, никто не сомневался, бомбить стали бы сразу.

И отступавшие солдаты, и ополченцы – все высыпали на высокий левый берег Карманки. По закону природы восточным берегам положено быть отлогими, однако Карманов стоял на древнем, очень древнем холме с каменным, скалистым сердечником, и никакая река с ним справиться не могла.

Правда, и окопов настоящих было не вырыть.

Что будет, чего ждать – ополченцы не знали. Крутили в городском клубе «Боевой киносборник»: ну так там немцы по-русски говорят и даже с нашим оружием ходят.

Дорога на закат опустела. Наши все прошли, немцы не показывались. Кто из своих ранен, отстал – всё, сгинули.

Говорят, что такие дни запоминаются в мельчайших деталях. Каждое лицо, каждое слово, жест. Запах, цвет, дуновение ветра, летящие жёлтые листья – всё.

Однако ни Маша, ни Игорь, тогда, пятнадцатилетними, отчаянно пытаясь «добыть оружие», отчего-то не помнили командиров, гонявших их от моста. Не остались в памяти лица солдат-пулемётчиков, устроившихся за баррикадой из мешков с песком, – словно стёрло.

Осталось только ожидание. Жуткое и выматывающее, что хуже, если верить казённым писакам, любого боя.

Не запомнили тогдашние ребята-подростки и лица полкового мага, серого и шатающегося от усталости, что сидел на древнем валуне подле моста – валуне, что помнил, наверное, ещё дружины киевских да владимирских князей. Но зато в память врезалось: «Если прорвутся, Егорыч, конец всей армии, да что там армии – фронту», сказанное магом командиру полка, немолодому и грузному, с двумя майорскими «шпалами» в петлице. «Шпалы» они почему-то запомнили.

А ещё они запомнили шинель мага. Продрана в дюжине мест, словно рвали когти какого-то крупного зверя, перемазана глиной и выглядит так, что её не надели бы даже рыть окопы.

…А потом полковой маг отчего-то вскочил, вытягиваясь по стойке «смирно», несмотря на недоумённое майорское: «Михалыч, ты чего, эй?»

К ним подходил какой-то человек, но его Игорь с Машей не запомнили совершенно. Ни лица, ни фигуры, ни одежды, ни тем более звания. И вообще они как-то враз сообразили, что им вот сейчас же, немедленно, требуется быть в совершенно другом месте.

…Немцев ждали весь день, до вечера. Истомились, измучились. По гребню высокого берега, среди берёз и лип протянулись глубокие окопы и траншеи, улицы перегородили баррикадами. Окна ближайших к Карманке домов заложили мешками с песком, и теперь оттуда высовывались тупые рыла пулемётов: командир полка наконец нашёл место кармановским ополченцам. Город ждал.

Сентябрьская ночь выдалась холодной, лежалая листва пахла гнилью. Дождь лил не переставая, так, что в Карманке даже стала подниматься вода. Тьма скрыла дальние пожары, и лишь едва-едва можно было увидать сквозь непогоду багряное зарево.

Игорь с Машей вернулись домой. Отцы у обоих были в ополчении, спать никто не мог. Свет погасили – затемнение, приказ. Не брехали дворовые псы, забившись кто куда, кошки нахально лезли к хозяевам на колени, прижимались, словно прося защиты.

И вот тогда-то, в глухой полночный час, из мглы и хмари, из ветра и дождя родился долгий и мучительный, рвущий душу вой, даже не прилетевший – приползший откуда-то с залесных болот, к северо-западу от Карманова, где лежала сожжённая Михеевка.

Вой слышали все в городке, от мала до велика. И Игорь, и Маша в своих домах разом кинулись к окнам – но там не было ничего, кроме пронизываемой редкими стрелами дождя ночной темноты.

И у обоих заголосили младшие братишки с сестрёнками, запричитали матери – а вой повторился, прокатываясь валом, словно возвещая нисхождение чего-то неведомого, но неимоверно, неописуемо грозного и безжалостного.

Тот вой в Карманове запомнили очень надолго.

Кричали что-то на переднем краю, у моста вспыхнул огонь, однако ночь молчала, и немцы, засевшие там, во мраке, ничем не выдавали себя.

Никто в городке не сомкнул глаз до утра.

Серый рассвет вполз в Карманов робко и осторожно. Бойцы, которых комполка не стал держать под осенней моросью, переночевавшие наконец-то в тепле и сухости, заметно приободрились. Об услышанном ночью старались не говорить. Мало ли что там выть могло! В дальних лесах хватало всяких чуд. Правда, чтобы их увидеть, требовалось быть магом… но всё равно.

Весь следующий день они вновь ждали. Связь прервалась – верно, фрицы высадили парашютистов, и те перерезали провода, рации у полка не осталось, и даже маг ничего не мог добиться. Так и остались стоять, в полном соответствии с приказом. «Ни шагу назад!»

Но немцы не появились. А ночью жуткий вой повторился, только теперь он доносился куда глуше, словно отодвинувшись далеко на запад. Ближние к Карманову деревни догорели, дождь прибил к земле чёрный пепел, погасил последние красные огоньки тлеющих угольев, и всё замерло в мучительной немоте.

Врага защитники Карманова так и не дождались. На третий день связь починили, на трескучей мотоциклетке примчался посыльный из штаба корпуса, и полковой маг внезапно дотянулся аж до штаба армии. Ещё через день пришло подкрепление, и приободрившийся полк зашагал на запад, провожаемый слезами и благословениями.

…Так оно и закончилось.

Девять лет спустя выросшие Маша с Игорем возвращались домой.

Что случилось с немцами, и почему они не атаковали, так и осталось загадкой. И, может, из-за рассказанной деканом истории седьмой группы, а может – из-за сырости подступившей ночи, только обоим казалось, что ждёт впереди что-то недоброе. Таинственное и страшное, как тот далёкий ночной вой.

Улеглись, отвернувшись каждый к стене.

Спали. Под стук колёс и нечастые гудки паровоза. Оставались позади станции и разъезды, городки и городишки – старая ветка дороги шла по местам, где не случилось ни «гигантов первых пятилеток», ни даже «царских заводов».

В полшестого утра приехали.

Толстая проводница долго стучала в дверь – друзей подвели фронтовые привычки: когда можно спать, спи, покуда пушками не поднимут.

На низкую, посыпанную песком платформу кармановского вокзала пришлось прыгать чуть ли не на ходу, потому что проводница никак не могла найти одно из полотенец. Значки столичных магов, выпускников известного на всю страну института, её ничуть не пугали.

– Я фрицев во всех видах повидала! Порядок должон быть, разумеете, нет, товарищи чародеи?

Они разумели.

Вокзал – старый, жёлто-лимонный, с белыми колоннами, поддерживавшими треугольный фронтон, – тонул в зарослях цветущего жасмина. Под фронтоном тянулись белые же буквы – «КАРМАНОВЪ» и «ВОКЪЗАЛЪ», еще старые, поменять которые у горсовета никак не доходили руки. Слово «вокзал» и вовсе, видно, крепил какой-то шибкий грамотей, ибо поставил туда аж два «ера». Ошибка пережила и царских железнодорожных инспекторов, и советских ответработников.

– Хорошо…

Ага, хорошо. Тихо, безлюдно, хотя и суббота. Небо безоблачное, и день обещает выдаться жарким. Сейчас народ потянется на огороды – после войны вышла-таки льгота, стали прирезать земли, кто хотел. Где-то далеко, в конце платформы, маячили белая рубаха и белая же фуражка милиционера.

Машка что-то недовольно бурчала, то и дело одёргивая платье.

Автобусов в Карманове пока не завелось, хотя разговоры об этом ходили уже лет пять. Но разве ж советскому студен… то есть уже не студенту, молодому специалисту, приехавшему работать, это помеха?

На привокзальной площади пусто, два ларька – газетный и табачный – закрыты. От вокзала начинается проспект Ленина. Когда-то давно, до революции, главная городская улица упиралась в купеческие склады, их сломали, когда строили вокзал и прокладывали железку. С тех пор ходили слухи, что хозяин складов, купец Никитин, сказочно нажился на этой продаже, да только потом император Александр Третий – которого в новых, послевоенных учебниках уже именовали отнюдь не «кровавым тираном» или «оголтелым реакционером», а «выдающимся государственным деятелем, очень много сделавшим для развития России, несмотря на известную ограниченность взглядов как следствие буржуазно-царского происхождения» – приказал отправить на каторгу и тороватого купца, и жадного подрядчика.

Их сослали то ли на Сахалин, то ли на Чукотку, а вокзал остался.

Проспект Ленина. Громкое слово «проспект» досталось улице совсем недавно вместе с лоскутом серого асфальта посередь городка, а раньше называлась она Купеческой, а в народе просто «Никитинка». Давно нет купца Никитина. Но, став проспектом, центральная кармановская улица переменилась не слишком. Белый низ, тёмный верх. Оштукатуренные кирпичные стены первых этажей и деревянные вторых. Резные наличники, ставни, коньки, оставшиеся ещё с царских времён. Когда-то давно тут жили кармановские купцы, на первых этажах помещались лавки, потом их не стало, а после войны они вернулись снова, когда опять, словно при НЭПе, разрешили частную торговлю, кустарей, мелкие артели и прочее.

– О, смотри-ка, и Моисей Израилевич мастерскую открыл!

На фасаде красовалось: «Моисей Израилевич Цильман. Раскрой и пошив любой одежды. Одобрено обкомом партии!»

– Эх, и он в нэпманы подался… А такой славный дядька был… галифе мне, помню, сработал, всему батальону на зависть…

– А чего ж, он славным быть перестал, как мастерскую открыл? – поддела Машка. – Он же всегда шил, просто на квартире, частным порядком. А теперь всё как полагается.

– Не дело это всё равно, – упрямо пробурчал Игорь, опуская голову и понижая голос. – Мы коммунизм строим или что? Зачем революцию делали? Для чего буржуев прогоняли?

– Ой, ну только ты не начинай! Забубнил, как политрук на собрании. Плохой политрук.

– Маха, ну ты ж знаешь…

– Знаю! Знаю, что ни блузки, ни жакета приличного не достать было, не сшить толком! Таиться приходилось, по ночам к дяде Моисею с отрезом бегать! – Машка снова почти с ненавистью одёрнула платье.

– Ну, ладно, ладно, будет тебе, развоевалась, будто я Гитлер…

– А ты ерунду не говори! Товарищ Сталин сам разрешил, чтоб народу после войны полегче жилось!

– Товарищ Сталин добрый, о людях заботится, на жалобы отзывается, жалеет – а могли б и потерпеть, без модных жакетов-то. Не ими коммунизм строится!

– Ладно тебе, – только отмахнулась Машка. – Не знаешь ты, как девушка себя чувствует, если ни платья красивого, ни кофты, ни чулок, а всё больше ватники, штаны из брезентухи да сапоги с портянками. А вот товарищ Сталин понимает!

– Тебе коммунизм – или чулки? – рассердился Игорь.

– А при коммунизме они что, не нужны будут? – парировала Машка.

Игорь, в свою очередь, тоже махнул рукой и отвернулся.

Надулись. Так, надувшись, и добрались до родной Сиреневой улицы, что змеилась по высокому берегу над Карманкой. Стояли там перед самой войной построенные дома, простецкие, безо всяких выкрутасов, обшитые вагонкой и выкрашенные в желтовато-коричневый цвет. Палисаднички, сараи, тянущиеся почти к самому обрыву огороды, вечные лужи по обочинам, где пускали кораблики целые поколения ребятишек Сиреневой.

– Ну, по домам?

Игорь облегчённо вздохнул. Машка больше не сердилась.

– По домам.

Потом всё было как полагается.

– Ой, кто там?.. Кто? Иго… Игорёночка, сыночек!.. Машуля!.. Эй, вставайте все, Игорь приехал!.. Доча, а как же ты… Без телеграммы… У меня и полы не мыты… Ой, ох, радость-то какая…

– Мам, ну что ты… ну не плачь, мам, ну, пожалуйста, а то я тоже разревусь сейчас…

– Ох, Игорёчек, а что ж ты тут делать-то будешь? Как распределили? Сюда, к нам?.. Ох, горюшко…

– Мама, да что ты, я ж домой вернулся?

– Игорюля, я и радуюсь, только… Думала – выучишься, в люди выйдешь, в Москве жить станешь, как положено, чтобы всё как у людей; а в Карманове нашем, ну что тебе здесь делать?

– Да мам, ну что ты говоришь? Меня сюда сам декан наш, профессор Потёмкин направил, у него, мам, знаешь какая бумага! Раз он прислал, значит, надо.

– А аспирантура? Ты же хотел…

– Никуда она не денется, Виктор Арнольдович сказал – надо родному городу помочь!

– И без тебя б нашлось кому помогать…

– Мам, ну что ты, в самом деле!..

– Игорёна, я в здешней школе двадцать пять лет учу. И могу сказать, что…

– Ну, ма-ам, ну, не начинай снова. Можно мне ещё пирога, м-м?…

…Потом были и прибежавшие соседки, и соседские ребятишки, и ещё много кто.

А вот отцов не было. Были фотографии. Последние. Сорок третьего – на Машкином комоде. Сорок четвёртого – на полочке буфета Игоревой матери.

Суббота и воскресенье прошли, как и полагалось, в хлопотах по хозяйству: Игорь, голый до пояса, стучал молотком на крыше; Маша, натянув какие-то обноски, возилась с матерью и младшими в огороде, таскала воду, полола. Шли уже дальние соседи, с окрестных улиц; в маленьком Карманове отныне два своих собственных мага, да ещё и здесь родившихся! Не в секретных институтах где-то в Москве, где совсем другая жизнь, а тут, рядом, под боком – эвон, один молотком машет, другая с тяпкой на грядке.

И всё вроде бы хорошо, да что-то нехорошо, как в сказке про Мальчиша-Кибальчиша. Смутное что-то висело в воздухе, словно низкое облако, душно казалось не по погоде. Детвора бродила какая-то притихшая, никто не шалил, не носился с визгами, не карабкался по деревьям или по речному откосу, не плескался на тёплой отмели. Сидели вокруг матерей.

Вечером, когда наконец справились с дневными делами, и Игорь, и Маша, не сговариваясь, выбрались на кармановский обрыв. Закат выдался тусклый, солнце тонуло в тучах, заречные леса затянуло туманами. Прогудев на прощание, застучал по рельсам на западный берег скорый поезд, точки освещённых окон, могучая туша паровоза. Замелькали козодои, придвинулись сумерки, а двое молодых магов стояли рядом и молчали.

– Эх, будь я не теоретиком…

– …а практиком краткосрочного прогнозирования, сиречь гадания, – подхватила Машка.

– Не нравится мне Заречье. – Игорь вглядывался в сгущавшийся сумрак, быстро поглощавший луга и опушки.

– Мне тоже, – призналась Маша. – А чем – сказать не могу.

– Вот зачем здесь теоретики? – тоскливо осведомился Игорь. – На кой Отец нас сюда отправил? Здесь ни частные решения, ни даже общие не нужны.

Машка поправила воротничок платья, словно невзначай коснулась серебряной цепочки. Игорь заметил, что она нет-нет да тронет странный оберег Отца. Словно ответа спрашивает. А может – просто спокойнее оттого, что знаешь: декан лучше понимает, что к чему. Была бы серьёзная угроза – неужто не сказал бы.

…Так и разошлись, ничего не увидев, встревоженные и недовольные собой.

Но прошла ночь субботы, и воскресенье минуло, и не случилось ничего плохого. Игорь починил крышу, Маша управилась с огородом, во всех подробностях порассказали родным и соседям про московскую жизнь, «что там продают», и наутро, в понедельник, надев всё самое лучшее, нацепив награды, которые вообще-то в Карманове носить было не принято, только по большим праздникам, – отправились в горисполком. Маша всё в том же синем форменном платье, с белым «поплавком» институтского значка и орденом Красной Звезды на правой стороне груди и целой колодкой медалей слева, среди которых выделялась «За Отвагу» со старым пятибашенным танком, каких теперь уже и не бывает. Игорь в военной форме без погон, сапоги сверкают, и ордена в ряд – две «Славы», не хухры-мухры. «Жаль, война кончилась, третьего не успел получить», – мелькали порой тщеславные мысли. Игорь себя, конечно, одёргивал, мол, как это «жаль», сколько людей бы погибло зря! – а всё равно до конца прогнать не мог. Так хотелось собрать полный орденский прибор! Ведь не за так же их дают, не абы кому вешают!

Под горисполком пошло здание бывшей городской управы. Игорь помнил, как мама ворчала порой, что, мол, при царе и градоначальник, и полицмейстер, и земские выборные, и школьное начальство – все помещались в одном месте, всем двух этажей вполне хватало; а теперь и горкому партии своё, и горздраву, и отделу милиции, и горторгу с гортопом, и каких ещё только «горов» не напридумывают – всем отдельный дом подавай, да чтобы на главной улице!

– Документы. – Открылись двойные двери с бронзовыми ручками, и там за барьерчиком с пузатыми балясинами обнаружился молодой милиционер. Белая рубаха, ремень, портупея, кобура. Отродясь в исполкоме никакой охраны не водилось. Лицо незнакомое, молодое. Не воевал парень.

Игорь поймал себя, что смотрит на младшего сержанта с каким-то недоверием, лёгким, но тем не менее. Парень ведь не виноват, что опоздал родиться.

Маша первой протянула удостоверение. Не паспорт, как у обычных гражданских, а офицерскую книжку, пухлую, хорошей кожи, особое тиснение и краска, каким сноса нет.

Обычно удостоверение это («…присвоено воинское звание маг-старший лейтенант…») действовало на чинуш и постовых не хуже книжечки министерства госбезопасности. Младшему сержанту полагалось немедля встать по стойке «смирно» и отдать честь, однако тот лишь взглянул в документ совиным взглядом, сел, обмакнул перо и принялся медленно, неторопливо вписывать Машкины данные в здоровенную «Книгу посещений».

Пока вписывал, аж чуть высунув язык от усердия, Игорь невольно огляделся – вдруг ожила старая фронтовая привычка: «оказавшись в помещении, прежде всего головой крути, осмотри каждый угол, чтобы в спину внезапно не ударили».

Так и есть, вдруг подумалось. Невысокая дверь справа от парадной лестницы, приоткрыта – а там двое милиционеров, да не просто так, а с автоматами. И слева от той же лестницы, где бюро пропусков, – тоже двое постовых. Двое, к которым вышел третий, молодой и поджарый, с лейтенантскими погонами и явно не милицейской выправкой. Смотрят холодно, с невесть

откуда взявшейся подозрительностью, словно это не горисполком маленького Карманова, даже не райцентра, а, самое меньшее, проходная сверхсекретного номерного института.

Игорь взглянул на подругу. Странное дело, считай – небывалое. Откуда – и для чего? – тут этакая охрана?

– Вижу, маги к вам сюда зачастили, – небрежно проговорил Игорь, опираясь о барьерчик и форсисто держа собственное удостоверение между указательным и средним пальцами. – Столько, что аж в книгу записывать приходится?

Сержантик не удостоил столичного гостя ни ответом, ни даже взглядом. Скрипел себе пером.

– Так мы пройдём? – Маша дождалась, пока Игорь раздражённо спрятал корочки в нагрудный карман.

– Пройдёте, пройдёте… в бюро пропусков вы пройдёте, – зло пробурчал милиционер, с ненавистью глядя на свежие строчки в своём гроссбухе, словно не в силах ждать, когда же наконец чернила высохнут окончательно и он сможет перевернуть страницу.

– Никаких пропусков раньше не надо было, – ворчал Игорь, пока они, наконец разобравшись с «ордерами на выдачу» и «литерами на проход», поднимались по широкой белой лестнице. Управа в Карманове построена была на совесть.

– Автоматчиков тут даже в войну не бывало, – вполголоса подхватила Маша.

– А и точно, слушай! – кивнул Игорь. – Стоял один дядя Петя, Пётр Иванович, так он ветеран ещё империалистической…

– С берданкой…

– Если не с фузеей из краеведческого музея!

Невольно вновь вспомнился Игорю цепкий нехороший взгляд Верховенского. Может, и правда творится что-то дурное в Карманове – и дурное это связано с магией и секретно. Официально магов сюда направить было нельзя, вот и «распределили» лучшую выпускницу Марию Угарову в родной Карманов, а с ней, за компанию, Игоря Матюшина, который в бою не раз доказал, что не растеряется, случись что. Может, не зря тот разговор про подвиг был в кабинете у Потёмкина – намекал на что-то декан…

Игорь одёрнул себя, мысленно отчитал за разыгравшуюся фантазию. «Это же Карманов, – напомнил он себе, – здесь пьяный механизатор выпьет и в чужой палисад въедет – уже событие. Какие здесь могут быть магические проблемы? Разве что нечисть древнюю кто-то ненароком разбудил. Нечего гадать – председатель всё растолкует. Стыдно же будет тебе, товарищ Матюшин, за эти магошпионские бредни».

Предгорисполкома Ивана Степановича Скворцова знали в Карманове все, от мала до велика. Был он свой, городской, отсюда ушёл воевать в Гражданскую, обратно вернулся молодым красным командиром: на плечах кожанка, на боку маузер именной, да только пришёл без правой ноги, отнятой по самое колено. Так и остался, вот уже тридцать лет тому; слыл человеком честным и простым, без пресловутого «комчванства». К Иван Степанычу шли всегда – за ордером на дрова, за доппитанием, чтобы позволили сделать пристройку… Лихо было долго. А потом, после тридцать пятого, как отменили «лишенчество», перестали жать «единоличников» с «некооперированными кустарями», стало легче. Ушли в прошлое «провизионки», прибавляли продуктов по карточкам, всё больше можно было купить просто на рынке, и Иван Степанович занимался теперь куда более интересными делами – жильё построить, дороги поправить, старый запущенный парк привести в порядок, маленький городской музей расширить…

Скворцов был невысок, кряжист, голову брил по моде еще двадцатых годов. В горкоме народ менялся едва ли не ежегодно, а председатель каждое утро, неизменно к восьми часам, летом и зимой, в жару и стужу, шагал на работу. Машиной он не пользовался, мол, «буржуйские это штучки». Разве только для официальности – если встретить с поезда какого важного гостя, или по срочному вызову. Да и «идти-то всего ничего». «Я с половиной Карманова здороваюсь,

когда утром иду, а со второй – когда вечером возвращаюсь» – эти слова Ивана Степановича знали все в городе.

Маги поднялись по вытертым деревянным ступеням. За дверью, обитой видавшим виды дерматином, в приёмной толпились посетители. За последние годы ничего не переменилось, разве что бальзамины на подоконниках разрослись пышными кустами, заполнив зеленью оконные проёмы. Пожилая секретарша Валентина Ильинична улыбнулась, кивнула дружески.

– Здравствуйте, здравствуйте, Машенька, и ты, Игорь. Какие красавцы-то! Да не краснейте, красавцы и есть! Заходите, Иван Степанович ждёт. Подождите, товарищи, что вы шумите, не на базаре! – строго окоротила она возмутившихся из хвоста очереди. – Товарищи маги только из столицы. Будут у нас работать.

…Деревянный протез постукивал по полу. Предгорисполкома не любил сидеть, словно напоказ, мол, нипочём мне и это увечье. Скворцов постарел с тех пор, как они видели его последний раз, – морщины на бронзовом от загара лбу залегли глубже. Но председатель был из тех, кто от возраста не сутулится или горбится, а словно бы «даёт усадку» – Игорю показалось, что он будто стал чуть ниже ростом, приземистее, но шире и кряжистей, словно старался ещё основательнее утвердиться обеими ногами – здоровой и деревянной – на земле, которой отдал всю жизнь.

Остались позади «о, наконец-то, наконец, добро пожаловать! Игорь, ну вылитый отец. Эх, какой человек был… Земля ему пухом. Машенька, ты у меня, пожалуй, всю мужскую часть исполкома с ума сведёшь, невзирая на семейное положение!.. Ордера на комнаты в общежитии получите в жилотделе… Аккредитивы при вас? Валентина Ильинична, дорогуша, будь любезна, отправь в финотдел, пусть банк запросят, чтобы ребятам не мотаться зря… Какая ещё помощь нужна, товарищи?..»

Наконец выговорились. Обязательное было сказано, бумаги «пошли в работу». Игорь с Машей сидели у длинного стола, крытого зелёным сукном, а Скворцов вышагивал от стены к окну, от гипсового бюста Генералиссимуса до стойки с книгами.

– В общем, дело у вас, ребята, будет такое… – Иван Степанович погладил блестящую лысину, прошёлся вновь – тук-тук, тук-тук. Игорь невольно подался вперёд, втайне надеясь: вот оно, сейчас всё разъяснится. – Такое дело, говорю. Карманову без магов плохо, скверно тут у нас без магов. Работы-то непочатый край! Затеяли дорогу строить – бомбу выкопали, да не простую, с магической начинкой! Фрицева работа, будь они неладны… Пока сапёров вызывали, пока те сами чародея дельного нашли, неделю полгорода по окрестным сёлам держали: а вдруг рванёт! Потом эпизоотия началась, и тоже – ни одного мага толкового, в области даже сыскать не могли! Как осень – грипп, да злой такой, врачи не справляются, пятеро детишек померло, такие-то дела, во-от…

– Иван Степанович… товарищ Скворцов… – решился наконец Игорь, стараясь скрыть разочарованные нотки в голосе. – Мы с Маш… Мы с товарищем Угаровой тоже ведь не сапёры, не врачи. Даже не ветеринары. Мы теоретики.

– Ну и что ж, Игорь?

– У нас даже в дипломе это написано, «маг-теоретик».

– Ну, написано. А у меня вовсе никаких дипломов по карманам не валялось, когда с Гражданской вернулся, а партия сюда отправила. Никто у меня, товарищ Матюшин, не спрашивал, есть, мол, товарищ комполка, у тебя дипломы, нет ли. Партия сказала – надо, Скворцов! И я ответил «есть!». Вот и тебе партия тоже говорит «надо!». А ты мне про какие-то дипломы…

Игорь с Машей переглянулись.

– Мы лечить не умеем, Иван Степанович. Только в пределах базового курса. Самые азы. Вам не нас, вам с лечебного факультета надо было специалиста затребовать… – проговорила Маша. – И бомбы разряжать тоже.

– Что «тоже», товарищ Угарова?

– В пределах базового курса, товарищ Скворцов, – Маша стыдливо потупилась. – Ну, и чего с фронта запомнилось, только ведь там как… не по уставам, по жизни. Мы ж… теоретики, мы другое…

– Ага, Мария Игнатьевна! В пределах базового курса – но учили? Так? И на фронте, – он подмигнул, – когда не по уставам приходилось, а по жизни – так?

– Так…

– Значит, справитесь, – предгорисполкома решительно хлопнул по столу ладонью. – Я тоже институтов не кончал, и ничего, справляюсь пока. Ты, товарищ Угарова, в горздрав тогда, а ты, товарищ Матюшин, в отдел капитального и дорожного строительства. Давно бы их разделить, да всё никак фонды не выбью. На месте разберётесь, что делать. Да! Ставки на вас выделены, товарищ Потёмкин постарался – по девятьсот рублей, как магу-инспектору. Не так много, как вы бы, товарищи, в московских специнститутах получали, но уж чем богаты.

– Спасибо, Иван Степанович…

Девятьсот рублей в провинциальном Карманове были очень, очень приличными деньгами.

Игорь почти решился спросить, отчего, если всё так просто, в исполкоме милиция дежурит, но осёкся. Ну как спросит председатель, на чём основаны опасения Игоря – на том, что молоденький милиционер корочки магические без почтения принял? Что Игоря Матюшина, который в Карманове родился и вырос, в книжечку как гостя записал? Как бы не только чванливым дураком, но и трусом не выглядеть. А всего-то – посмотрел нехорошо на выпускников в приёмной Потёмкина страшный старик Верховенский. У него работа – так смотреть, чтобы простаки вроде Игоря начинали в каждой тени врага народа видеть. Не был никак связан визит старого мага с их распределением, мало ли в каких операциях могла понадобиться помощь Потёмкина службе госбезопасности. Игорь промолчал, решив приглядеться и разобраться.

– Так что, товарищи, Валентина моя вам сейчас направления сделает, я подпишу. По аккредитивам своим в кассе получить не забудьте!

– Ты что-нибудь поняла, Маха?

Рыжая помотала головой, вновь немилосердно одёргивая платье.

– Тебя в строительство, меня в горздрав… Нет, с чем-то простым мы, конечно, справимся, зачёты не зря сдавали, и сборы военные, и фронт, конечно же… Но…

– Но мы ж теоретики, Машка. – Игорь пожал плечами.

– Угу. Но, раз Родине мы здесь нужнее… – ядовито огрызнулась та.

– Давай по мороженому, а? А то как-то кисло после этого разговора. Словно недоговаривал нам товарищ Иван Степанович что-то. Точно не знал, куда нас девать.

– Почему это не знал? – несмотря ни на что, от мороженого Маша отказываться не собиралась. – Как раз знал. Всё заранее продумал. И ставки уже открыты.

Игорь только покачал головой. Утро понедельника выдалось волшебным, тёплым, нежарким, идти по тихой кармановской улочке было одно удовольствие. Смутная тень опасности съёжилась под солнечными лучами, заползла куда-то, позволив молодости взять своё. Игорь, щурясь, посмотрел в бьющую светом синеву неба.

– Тебе ведь сейчас на Кузнечную?

– Ага. А тебе к вокзалу, насколько помню.

Над крышами вспорхнули голуби, гонял кто-то из мальчишек, забывших о школе и забросивших книжки аж до самого сентября, который – кажется им сейчас – никогда не наступит, а так и будет лето, заросли, приятели, самодельные самокаты с подшипниками вместо колёс…

– Ну и как оно, товарищ Угарова?

Машка с несчастным видом сидела на лавочке возле калитки, по-детски задрав на скамейку ноги и обхватив колени руками.

Прошла уже неделя, как они приехали в Карманов. Июнь истекал: каплями утренних туманов, вечерними росами, отцветающим разнотравьем. Подкатывал июль, макушка лета, надвигалась жара, пора леек и вёдер. Огородная страда.

– Не видишь, что ли? – буркнула Маша, с преувеличенным вниманием разглядывая подол собственного платья.

– Вижу, – вздохнул Игорь. Сел рядом, шмякнув клеёнчатый портфель, набитый какими-то бумажками. Расстегнул ещё одну пуговицу клетчатой рубашки. – Мне тоже там делать нечего.

– Во-во. Я только какие-то сводки безумные вместе свожу, – пожаловалась Машка. – Свожу и складываю, складываю, складываю…

– Так ты ж теоретик. Ты своё частное решение вспомни! Сколько считать пришлось!

– Здесь, в горздраве, любая школьница с семью классами подсчитает, – фыркнула Маша. – Зачем меня учили шесть лет, зачем мне страна стипендию платила? Зачем Арнольдыч со мной мучился? С тем самым частным решением? Пока для воздушной среды тремя разными способами не вычислила, к защите не допускал…

– А как же «базовый курс»?

– Не пришлось, не пригодилось, – язвительно бросила Маша, туже натягивая подол на колени. – Ничего страшного – ни чумы тебе, ни тифа, ни хотя бы холеры по летнему времени. Тишь да гладь. Обычным врачам работы хватает, а мне… «Нет, товарищ Угарова, вы у нас, так сказать, стратегический резерв Верховного Командования. Вас ведь партия сюда прислала, так? Вот и сидите, где велено. Ведь если б в войну каждый воевал не там, где страна прикажет, а где хочется…» и всё такое прочее.

– Туго тебе пришлось.

– Да и тебе, судя по всему, не слаще, – ухмыльнулась она, кивнув на жалкого вида портфель. – Много ль бомб нашёл, много ль снарядов обезвредил? Или тоже, как и я, осваиваешь смежную профессию сметчика?

– Осваиваю. – Игорь вздохнул, полез за папиросами.

Помолчали. За домами звенели детские голоса, ребятня гоняла, забыв обо всём на свете.

– Зачем…

– Не начинай, Игорёха, и так тошно.

– Арнольдыч…

– Не знаю я, зачем он это сделал! – взорвалась Машка. Вскочила с лавочки, сжав кулачки. – Не знаю! Но очень, очень хотела б узнать! Сначала думала – умолчал что-то, секретность соблюдал. А теперь… Честное слово, ещё немного, и напишу ему, правда, напишу! Или позвоню! Потому как это разбазаривание, слышишь, разбазаривание! Сколько на нас денег потратили! Пятерых врачей выучить можно было б! А если нужен маг – так Отец мог любого из лечебников взять, никто б и не пикнул! А мы-то, мы-то здесь зачем?! Меня даже в больницу не пускают… и правильно делают, кстати. Ну, какой из меня лекарь? На фронте да, там могла первую помощь оказать, рану смертельную придержать, чтобы спасти успели… А тут-то… мастерство требуется, а опухоли я удалять не умею. Это особый талант нужен, сам знаешь, чтобы всё дочиста убрать! Да что там – шва толком не наложу!

– Не злись. Ну, Машк…

Машка опять уселась, зло одёрнув ни в чём не повинный подол.

– Мог Отец кого угодно сюда направить. Мог. А направил нас. Значит, так надо. Арнольдыч до генерала дослужился, всю войну прошёл, ордена на груди не поместятся, товарищ Сталин его знает и ценит – так неужто ж он такую глупость ни с того ни с сего учинил?

Утешал, а самому отчего-то не очень верилось. Накатила, не в первый раз уже за муторную скучную неделю, волна досады.

– Игорёха! До чего ж ты у меня правильный, аж сил нет порой! Я это сама всё знаю! Понял? Только мне от этого не легче. Не нужны мы здесь. Никому не нужны. – Серые Машкины глаза наполнились слезами обиды.

– Брось, Маха. Хоть лечебное дело нам и давали, что называется, «не выходя за пределы», но кое-что мы таки знаем. И умеем. А чего не умеем – так учебники есть. Закажем по абонементу, и…

– Умеем, – согласилась Маша. – Рваную рану закрыть, потерю крови остановить, пока до госпиталя не дотащат. В живот если попало опять же… да только нет здесь никаких ранений. А с рутиной врачи куда лучше справятся. Ну, если не эпидемия. Тут, говорю ж тебе, лечебник нужен, а не мы, теоретики.

Игорь только досадливо хмыкнул и затянулся.

– Отец не ошибается.

– Заладил сорока Якова одно про всякого. Он же не товарищ Сталин.

– Угу. Не в сложнейшем расчёте, не в планировании небывалого эксперимента ошибся – а в том, кого в маленький Карманов на работу послать?

– Ну что, что нам здесь делать? – вновь простонала Маша. – Когда нас на фронт отправляли, понятно было. Фрицы, всюду фрицы. А тут?

– Может, тоже фрицы имеются? Только мы их не видим? – выговорил Игорь одну из невероятных теорий, что перебирал в своей голове долгие часы, которые вынужден был проводить за бумажками.

– Какие, Игорёха, тут фрицы?! Семь лет как война кончилась! Уже вон в школу ребята пойдут, что её и не видели, даже младенцами! А так-то всё правильно. Страна, партия тебя послали – делай дело. И я готова! Так ведь дела-то нет!

– Дела нет… – протянул Игорь задумчиво, – а охрана у Иван Степаныча будь здоров…

– Может, от уголовников каких бережётся? От шпаны залётной? – робко предположила Маша и сама же с досадой махнула рукой. – Да нет, о чём я… шпана – им другое подавай…

Раздался треск мотоциклетки, и они оба разом повернулись.

Трофейный «БМВ» пылил по Сиреневой, за рулём – милиционер в белой рубахе. Ба! Старый знакомый, который у них документы в горисполкоме проверял.

– Товарищи маги! Товарищи!

– Что случилось? – Игорь и Маша дружно вскочили с лавочки.

– Иван Степаныч просили срочно в горисполком. Немедля.

– Да что произошло-то?!

– Не могу знать, товарищ Угарова, приказ имею только вас доставить. А уж остальное всё товарищ Скворцов сам скажет.

На сей раз обошлись без «ордеров» и «литеров на проход».

Тук-тук. Тук-тук по знакомому кабинету, от окна до гипсового бюста и от бюста до окна.

– Грибники у нас пропали. Шестеро. Бабы наши кармановские и два мужичка с ними – Пантелеймон Парфёнов да Сашка Кулик. Ушли за реку, и второй день нет. Лето тёплое, дождливое – грибы рано попёрли, хоть косой коси…

– Так милиция должна, – подобрался Игорь. – И людей всех поднять! Цепями прочёсывать!

Скворцов досадливо поморщился, погладил лысину.

– В область позвонить… армия поможет…

– У области своих потеряшек хватает, – предгорисполкома скривился, словно от зубной боли. – В общем, хотел, товарищи, вас попросить о помощи. Маги ведь в поиске сильны, правда?

– Мы… можем… – осторожно ответила Маша.

– Я и на базовый курс согласен, – мрачно усмехнулся Скворцов. – Только б дур этих найти. А то за реку попёрлись, там ведь болота сами знаете какие. Зима снежная выдалась, весна – мокрая, топи водою полны, там потонуть – легче лёгкого. Не хочу я людей без крайней нужды туда гнать, ещё ведь ухнет кто-нибудь – и поминай как звали. Можете, товарищи чародеи, что-нибудь сделать?

Игорь кивнул.

– Можем. Только фотографии пропавших нужны, вещи их какие-нибудь… и, как ни крути, самим туда лезть надо – издалека не подберёшься без усилителей, без аппаратуры…

– Отделение милиции с вами отправлю, – кивнул Иван Степанович. – Ребята все боевые, фронтовики. Есть разведчики бывшие. Что ещё вам, товарищи, надо?

– Снаряжение, – развела руками Машка. – А то в болото лезть, а я себе, смешно сказать, даже сапог не справила.

– Найдём, – Скворцов черкнул в блокноте. – Насчёт магических припасов не беспокойтесь – я сейчас комнату с НЗ вскрою. Никуда не уходите, товарищи, с поисковой операцией медлить нельзя.

Лезть в заречную чащу на ночь глядя никому не улыбалось, но делать было нечего. Людей спасать надо, и тут уж не до удобств. Отделение, выделенное Маше с Игорем, оказалось экипировано что надо, при автоматах, с парой больших армейских палаток, котлом, консервами, концентратами и прочим. Люди в нём оказались как раз те самые, из охраны горисполкома. Народ и впрямь бывалый, нашлись воевавшие в соседнем корпусе и в соседней армии. Лейтенант Морозов, командовавший милиционерами, в разведроте прошёл от Днепра до Берлина. Сам чёрт не брат.

И такие бравые ребята стоят, охраняют никому не нужный исполком в никому не нужном Карманове?

– Распоряжайтесь, товарищи маги. А мы поддержим.

Глядя на милиционеров, Игорь лишь удивлённо поднял бровь. Ну, ладно, охрана, может, у них свои уставы, им положено так стоять, при полном параде. Но в заречных-то лесах зачем автоматы? С кем воевать? Это ж тебе не западная граница, не Тернопольщина какая, где нечисть недобитая и впрямь по чащобам прячется. В здешних лесах в основном мелочь всякая – лешачки, кикиморы. Так на лешачка автомата не нужно. Будет сильно надоедать – кинь в него шишкой, и только пятки засверкают.

Машка с тоской посмотрела в быстро темнеющее небо. Они сошли с моста через Карманку. Вправо, к болотам, убегала неширокая тропка, известная всем городским грибникам, – отсюда начинался путь к заветным делянкам. Милиционеры держали фонари, на спине у одного – армейская радиостанция.

Ничего не пожалел товарищ Скворцов. Словно и впрямь их там бандиты ждут или, скажем, парашютисты-диверсанты. И ведь достал откуда-то!

– Сюда, – махнул рукой Игорь. – Фонари погасите, когда мы скажем.

Бдение над фотографиями пропавших не прошло даром. Были они где-то невдалеке, может, километров семь-восемь по прямой. Конечно, болотными тропами все пятнадцать выйдет, но на фронте, случалось, и по сорок за день топали, а потом ещё лопатами махали, окопы рыли.

– Идёмте. Потом кричать-аукать начнём. Сейчас-то рано ещё.

– А может, они нам навстречу выбираются? – резонно заметил лейтенант.

– Погоди шуметь. – Игорь резко вскинул руку, сжав кулак.

Лейтенанта-разведчика не требовалось учить.

Оба мага застыли на тропинке. Лес надвинулся, сжал кучку людей. Тёмные ели угрюмо нависали над тропой; жёлтые пятна фонариков метались по серому мху на стволах, по еловым лапам, густым и низким.

Люди переминались с ноги на ногу – волшебники что-то учуяли, не иначе.

– Кровь, – вполголоса сказала Маша.

Ветер крадучись пробирался меж старых дерев, ступал мягко, словно вор.

– Да, кровь, – откликнулся Игорь.

Каждый маг, что бывал на фронте, на передовой сразу после боя, знал этот запах. Запах, неощутимый для остальных, даже для служебных собак. Его звали «запахом крови», хотя, конечно, это было всего лишь красивым названием. И неважно, теоретик ты или практик, этот запах ты ни с чем не спутаешь.

– Какая кро… – начал было лейтенант и тотчас осёкся, потому что Машка резко пихнула его локтем в рёбра.

Самое разумное сейчас – конечно же, повернуть и вернуться назад утром, уже не отделением, а с батальоном. Но…

Но вдруг там ещё остались живые? И что случилось – нарвались на зверя? Или на кого-то хуже зверя?

И когда ещё окажется здесь этот самый батальон?

И случатся ли при нём достаточно сильные маги?

У корней ближайшей ели вспыхнула пара тёмно-багровых глаз. Машка судорожно всхлипнула, прижимая ладонь ко рту, чтобы не взвизгнуть.

Крупная чёрная кошка медленно вышла прямо в освещённый круг, на ней мгновенно скрестились лучи фонарей. Кое-кто из милиционеров попятился, кое-кто вскинул автомат.

– Не стрелять! – гаркнул Игорь.

– Вместе. – Маша мгновенно оказалась рядом.

«Народные наговоры» – основа основ, первый курс. Веками отшлифовывалось, и до сих пор нет ничего лучше деревенских оберегов, когда сталкиваешься с такими вот лесными существами.

– Как с семи холмов да семь ручьёв бегут, как семь сосен подле них стоят, как под теми соснами да трава растёт, одна на мир, друга на покой, третья на сон, четвёрта на хлеб, пята на соль, шеста на дружка, а седьма – та на путь, путь прямой, ты хозяйке скажи, что на мир мы тут, что и путь наш прям, хлеб да соль впереди, дело дельное, дело славное, людям на прибыток, лесу на покой…

Пальцы Маши сплетались и расплетались, творя жесты-обереги, Игорь присоединился с секундной задержкой. Кошка настороженно смотрела, однако не убегала.

– А ты нас мимо тех холмов, мимо сосен тех, мимо тех ручьёв прямо проведи, как хозяйка речь вела, всё исполни, соверши!

Кошка громко мяукнула. Повернулась и неспешно затрусила вперёд.

– За ней, – вполголоса бросил Игорь. – Зла нам не хотят. Хозяйкина кошь, она дорогу показывает…

– Хозяйкина? – напряжённо спросил лейтенант. – Я думал, рысь какая… А тут чёрная, как у ведьмы сказочной!

– Тихо! – оборвала Морозова Маша, первая бросаясь следом.

Кошка вела людей споро, но без лишней спешки. Выбирала места, где не требовалось пробиваться сквозь непролазный ельник. Под ногами захлюпало.

– Не сворачивать! Не отставать! Ни шага в сторону! – на бегу скомандовал Игорь.

– Почему, товарищ маг? – вновь не удержался лейтенант Морозов. – Места хоженые. Я и по темноте выйду. Чего тут не так?

– Кошь нас не просто так ведёт, – не поворачиваясь, объяснил Игорь. – Или до хозяйки, или опасные места обводит.

– А не к потерянным? Не к людям?

Ответила Маша, не останавливаясь, пальцы её всё время сплетались и расплетались.

– Не к ним. К хозяйке. Не бывало такого, чтобы лесная нечисть напрямую бы в поисках помогала. Против их природы такое. Хорошо, если вредить не станут.

– А откуда ж знаете, товарищ маг, что сейчас за этой тва… то есть кошкой следовать надо, а не бежать отсюда сломя голову?

– Знаю. – Маша последний раз скрутила пальцы невообразимым узлом и выдохнула, распуская. Потрясла ноющими кистями. – На то мы и маги-теоретики…

– Вот именно, – поддержал Игорь. – Я ж сказал – зла нам не хотят. Такая вот нелюдь намерения прятать не умеет. И маг, при соответствующих усилиях, вполне может установить с доста… Маш, что это?

Кошка замерла в пяти шагах от них, зашипела, выгибая спину, после чего резко взяла влево, обходя далёким кругом край мшистой болотины. Оттуда, справа, из-за непроницаемых во мраке зарослей, елового мелколесья, волнами катился холод. Неощутимый для остальных в отряде, но явственный для магов. Что-то захрустело, зачавкало, забулькало – и вмиг стихло, словно поняв, что обнаружено.

– Пятнадцать по Риману, – Машка застыла в классической позе, готовая бросить защитное заклятие – «левая ступня по оси движения, правая под углом тридцать семь – сорок градусов к оси, левая рука поднята до внятного ощущения контакта с исполнимой возможностью, плечи развёрнуты, голова…»

Существовали длиннейшие теоретические обоснования именно такой позиции, и на экзамене Маша даже сумела бы повторить основные выкладки; другое дело, что так и не объяснили, почему максимум достигается именно в этом положении…

– Девятнадцать с половиной по Чикитскому, – Игорь смотрел во тьму сквозь странным образом сложенные пальцы.

– Ничего из болотного раздела…

– И из лесного тоже…

– …подобных величин давать не может. Неизвестный науке вид, не иначе, Игорёха!

Кошка яростно зашипела, возвращаясь и на сей раз подходя к Маше почти вплотную. Шерсть встала дыбом, хвост трубой, спина выгнута.

– Сердится. Нельзя останавливаться, – тотчас же сорвался с места Игорь. – Запомните место, товарищ лейтенант! Потом сюда обязательно вернёмся.

– Ч-что там такое? – Лейтенанту было страшно, и, как все смелые, через многое прошедшие люди, он терпеть не мог признаваться себе в этом.

– Не знаю! Ни в какую категорию не укладывается. Слишком силён. Но…

– Словно придавлен чем-то, – на ходу бросила Машка. – И соваться туда сейчас нельзя.

– Обойдём, как кошь показывает, – закончил Игорь.

Лейтенант поколебался, однако кивнул.

– Ничего себе, – Игорь на ходу ожесточённо чёркал что-то в книжечке, несмотря на темноту. – Нипочём здесь такого быть не могло, пятнадцать по Риману и почти двадцать по Чикитскому, оно бы тут всё болото разнесло!

– Однако вот не разнесло. – Маша не отрывала взгляда от торопящейся вперёд кошки. – Говорю ж тебе, придавило мазурика чем-то. Держит крепко.

– Лесные небось сами его боятся. Эвон как шипит да спину гнёт!

– Может, спонтанная инкапсуляция с последующим высвобождением? Что здесь могло такое закуклиться?

– Вернёмся, я тетрадки полистаю, посмотрю. Только нам всё равно пропавших прежде всего найти надо. Вдруг помогут-таки лешаки? Ведь ведёт же нас куда-то, явно – к хозяйке!

– Хозяйка, может, чего и посоветует. Слышал я уже на Одере от бывалых – когда в Белоруссии партизанили, так лесные как раз частенько выручали. В другом, правда. А заблудившихся искать – говорил же, против их природы. Сами ведь водят, с пути сбивают. Где могут, помогут, давай за это спасибо скажем.

Жуткая болотина осталась позади. Мрак сгущался, на небе – ни звёзд, ни луны. Жёлтые лучи фонарей метались по непролазным зарослям, скрещиваясь на торопящейся кошке, то и дело оглядывавшейся назад, словно стремясь удостовериться, что люди по-прежнему следуют за ней.

Маша на ходу оборачивалась, Игорь видел оскаливавшиеся на миг зубы, ощущал словно толчок в грудь, – Рыжая ставила засечки с такой ловкостью и быстротой, что оставалось только завидовать белой завистью. Причём такие, чтобы нечисть не почувствовала.

Давно следовало бы остановиться, привести в действие заклятия поиска, однако кошь и не думала замедлять движение, и Маша с Игорем не смели от неё отстать.

…Дорога кончилась на крошечной полянке, со всех сторон окружённой мелким чахлым леском, с трудом тянувшимся вверх на глухом болоте. Вела сюда единственная сухая перемычка, дальше пути не было. Морозов попробовал шестом, и жердина, пробив слабый слой мха, ухнула в глубину.

Кошка крутнулась вокруг Машиных ног, мяукнула – и исчезла, словно растворившись во тьме.

– Привела на место. – Игорь озирался по сторонам.

– И что теперь? Хозяйка выйти должна? И которая у нее хозяйка? – Лейтенант Морозов как-то не шибко уверенно поправил «ППС».

– Может, выйдет. Тогда и узнаем. Может, нет. Ясно, что привели нас сюда не просто так. Отсюда поиск и начнём. – Игорь уже возился с заплечным мешком. – Разводи костёр, Маша.

– Раскомандовался! – огрызнулась та, но беззлобно.

– Я разведу, товарищи маги, – вызвался лейтенант Морозов. – Мне сподручнее.

Костёр у бывшего разведчика занялся с первой спички, горел ярко и ровно.

– Вас, товарищ лейтенант, на магические способности никогда не проверяли? – осведомилась Маша.

– Никак нет. А что?

– Уж больно огонь хорошо горит. Такое без природного таланта редко когда сделаешь.

– Ещё как сделаешь, – отмахнулся Морозов. – У меня во взводе рядовой был, Биймингалиев, так он без всяких способностей в любой дождь костёр разжечь мог. Проверяли его, проверяли, ничего не нашли, конечно же, – а он просто чабаном был, поневоле выучишься. Не всё, товарищи чародеи, магией объяснить можно. Да и не нужно.

– Странно вы говорите, товарищ…

– Оставь, Маш. Нашли время и место.

– Верно, – вздохнула Маша. – Ну что, большой поиск? По Уварову – Решетникову? До девяноста пяти в эпицентре?

– По Курчатову. – Игорь доставал из заплечного мешка какие-то скляночки и пузырьки. – Неприкосновенный запас Иван Степаныча в дело пускаем… До ста двадцати готовься довести, Маха.

Лейтенант и милиционеры внимали в почтительном молчании. Что за «девяносто пять»? Какие «сто двадцать»? Метров, килограмм, джоулей, вольт, ампер?

– Какие будут указания, товарищи маги? – осведомился лейтенант.

– Залечь вокруг, смотреть в оба. Будет что-то хрипеть, реветь, из болота словно бы выбираться – внимания не обращать. До нас они не дотянутся, мы обереги ставим. Вот только если мшаника заметите, стрелять немедля. Ему единственному все наши преграды нипочём. Давно их не было здесь, так что вряд ли. Но если то, что там, в болотине, то ли зреет, то ли заперто, его своим магическм фоном подняло – тогда может и явиться. Он ведь как медведь-шатун. Разбуженный не ко времени – злющий и голодный, мяса ищет, не разбираясь, кабанчик или разведчик. – Игорю хотелось как-то разрядить обстановку, но вышло не очень. Морозов только челюсти сжал.

– Мшаника, так точно. А… как он выглядит-то, мшаник этот?

– Как здоровенная гора мха, – просто ответила Маша. – В полтора человеческих роста. Посредине – пасть, зубы из острых сучьев. Не смотри, что деревянные, пополам перекусит и не поморщится. Но обычные пули против него действенны. Мне лет тринадцать было, когда один к Михеевке вышел, почти на крайние дома. Тогда магов в городе не было вовсе: те двое, что жили в Карманове, с фронта не вернулись. Одна стихийная ворожейка осталась, баба Нюра. Умница была. – Маша говорила тихо и серьёзно, не глядя на разведчиков. Они с Игорем разделили склянки и теперь готовились к поиску, разбрызгивая по мху зелья, вычерчивая знаки. Игорь работал молча, а Маша продолжала тихо говорить, словно воспоминания могли отвлечь поисковую команду от жутких мыслей. – Мужики тогда его от деревни отогнали ружьями, но мшаник сильно голодный был. Засел в овраге, заболотил его. Практически отрезал деревню. Я в Михеевке у тётки гостила, племянник мой, Коля, ещё совсем маленький был, месяца три от роду. Вот баба Нюра вбегает к нам. Хвать Кольку, выбежала на крыльцо – да как даст ему по заднице, крепко, от души. И рванула с ним в сторону оврага. Тётка за ней, я следом. Оказалось, детского плача мшаник не выносит. Но раз у нас с вами младенчика не припасено, придётся стрелять, если объявится.

– И на том спасибо, – хмуро сказал лейтенант. Но рассказ Маши подействовал на него успокаивающе. Не иначе, добавила Марья к вербальному потоку немного концентрирующего заклятья – и для поиска хорошо, и нервов меньше, а силы экономить – это не Машкино. Тень паники исчезла из глаз милиционеров, сменившись решимостью – уж не слабее младенчика Коли советская милиция.

– Сергеев, Фокин – налево, ваш сектор северный. Игрунов, Копейкин – направо, вам юг. Ориентиры… – Морозов бросил взгляд на болотную зелень, – тьфу, пропасть, какие тут ориентиры. Фокин!

– Я!

– Осветительные ракеты готовь.

– Есть!

– Будем надеяться, что не понадобятся. – Лейтенант повернулся к магам. – Вы уж постарайтесь, товарищи.

– Не могу обещать. – При свете костра Игорь отмерял стеклянной пипеткой какие-то разноцветные жидкости, аккуратно раскапывая их в плоские блюдца. – Когда по Курчатову большой поиск делаем, да ещё и до ста двадцати в эпицентре – почти всегда побочные эффекты… в гости заявляются. Бдительность должна быть на высоте, товарищ лейтенант.

– Бдительность у нас всегда на высоте. – Морозов мрачно глядел, как его люди деловито окапываются, ловко орудуя малыми сапёрными лопатками. Все дружно вспомнили фронтовой опыт. На крошечном болотном пятачке много не нароешь, ячейки воду начнут сосать, но так отчего-то спокойнее, словно танковой атаки ожидаешь.

Маги не ответили. Маша пятилась, раз за разом замыкая круг с пылающим костром в центре, пальцы пляшут, губы беззвучно шевелятся. Ничего особенного на первый взгляд, а присмотришься – оторопь берёт, потому что глаза у неё – белые, мёртвые, без зрачков и радужки.

Жест. Слово. Символ. Аттрактор. Замыкание на себя магического потока. Весь арсенал накопленного предками, осмысленного теоретиками и запечатлённого в формулах.

Игорь молча взмахнул рукой – мол, начали.

Конечно, они не настоящая команда, не матёрые поисковики-сыскари, что давно сработались и чувствуют друг друга на расстоянии без слов и чтения мыслей. В паре они оказывались всего ничего, на лабораторных да разок на полевом выезде. Поэтому, конечно же, Курчатов сразу пошёл вразнос: из расставленых блюдец выплёскивалось горящее масло, фитильки трещали и загибались.

Болото зашевелилось, вскипело под зелёным одеялом мха. Заворочалось в глубине что-то большое, грозное. Но маги не останавливались. Машка металась между огней, всплескивая тонкими руками. С её губ срывалось глухое бормотание, она шипела и вскрикивала, когда незримые потоки скручивались вокруг неё. Но Игорь успевал ослабить колдовские петли, давая возможность Рыжей снова и снова призывать того, кто силился укрыться в болотной глубине, кто видел и знает всё, случившееся на здешних топях.

Однако отозвался и кое-кто ещё. Спутать было невозможно – то самое чудище с пятнадцатью по Риману и почти двадцатью по Чикитскому, оставшееся было позади. Заворочалось, застонало на пределе слуха – и на мгновение показалось, что в этом мучительном, полном голодной ненависти зове послышались обрывки слов…

Глаза Маши видели сейчас не ночное болото, не чахлый лес и бучила, а рвущуюся к поверхности фигуру. Не чудовище, нет – человеческую фигуру, словно окутанную облаком подземного пламени. И она, эта фигура, поднималась к поверхности всё выше и увереннее.

А ещё чудились Маше, что тянется следом за болотным ужасом нечто вроде пары огненных же крыльев.

Шире, шире захват, глупая! Раздвигай воронку! В эпицентре уже сто десять, самое меньшее, конус заклятия не выдержит, никакие решетниковские модификации не помогут!

Вспышка. Машкины глаза на миг ослепли, слёзы хлынули потоком – петля почти затянулась. Игорь успел лишь в самый последний момент.

Но зато она разглядела. Разглядела то, чего они все так боялись увидеть.

Мёртвые человеческие тела в болотине, невдалеке от жуткой дёргающейся огненной твари.

– Сожрала-а-а… – вырвалось у Машки.

Резкий запах нашатыря. В свете от костра – лицо Игоря, губа закушена.

– Ох, Рыжая…

– А ты… испугался, что ли?.. Что я тебе, барышня? Нашла я, вот чего.

Какое-то время ушло, чтобы прийти в себя. Лейтенант Морозов и его люди выслушали известие в мрачном молчании.

– Вытаскивать надо, – закончила Маша.

– Вытаскивать?! Вы, товарищ маг, сами ж нам говорили, мол, не подходить ни на шаг!

– Это когда мы мимо шли, – пришёл на помощь Игорь. – Нельзя их там оставлять, даже до утра, если у твари пятнадцать по Риману.

– Чего «пятнадцать»? По какому Риману? – не выдержав, огрызнулся лейтенант. – И что такого страшного случится? Они ведь уже мёртвые!

– В том-то и дело, – ответила Маша таким замогильным голосом, что Морозову вдруг совершенно расхотелось спорить. Правда, ненадолго.

– Велика вероятность спонтанной денекротизации, – буркнул лейтенанту Игорь. – При такой-то локальной напряжённости…

Кто-то из милиционеров сдавленно прошипел сквозь зубы пару крепких слов. Лезть прямо в пасть болотной твари не хотелось никому.

– Так если опасно, надо в город вернуться и сапёрную команду вызвать. – Лейтенант оправился и, скрипнув зубами, упрямо настаивал на своём, не желая подвергать опасности своих молодцов. – Заминировать всё тут, да и…

– Повезло вам, лейтенант, – теперь нахмурился и Игорь. – Повезло, коль в войну ни разу не пробовали «заминировать» бестию с хотя бы десяткой римановской, не говоря уж о пятнадцати.

– А что? Мина есть мина. Тротил, он и в Африке тротил.

– Интересно, зачем тогда маги, если «тротил, он и в Африке»? – ядовито спросила у лейтенанта Маша. – Не получится ничего, товарищ Морозов. Только людей губить. Этот болотник твой тротил сожрёт и только облизнётся. Ему и снаряды, и бомбы – всё нипочём.

– Предел Корсакова, – вставил Игорь. – Десять целых и семьдесят четыре сотых по Риману.

– Ага. А когда пятнадцать, да ещё и девятнадцать с половиной по Чикитскому, что, в частности, показывает и вероятность стихийной денекротизации и анекротических явлений на свежих трупах, то ясно даже и ежу, что тела надо вытаскивать немедленно.

– Как? – не сдавался лейтенант.

– Кошками. Крючьями, – пожал плечами Игорь. – Вы, лейтенант, разведвзводом командовали, неужто я вас учить должен?

– Без команды я людей под такое не подведу. – Морозов упрямо нагнул голову.

– Мы с товарищем Угаровой – оба старшие лейтенанты, между прочим. – Глаза у Игоря блестели зло и упрямо. – Показать удостоверение?

– Не тебе мне приказы отдавать, – не опустил взгляда Морозов. – Доложу, куда следует, там решат. Игнатьев! Разворачивай рацию.

– Куда радировать собрались, м-м? – поинтересовалась Машка, словно невзначай оказавшись рядом с лейтенантом, прищурилась, сердито ли, игриво, не разобрать.

– Тебе не доложился! – рявкнул тот, совсем забыв былую почтительность. – Фокин! Ко мне!

Маша прицокнула языком.

– Трщ лейтенант? – подскочил рослый боец.

– Н-ничего, – с трудом открывая рот, вдруг ответил Морозов. – Не надо… докладывать. Выполняем… указание… товарища Угаровой…

Фокин, широкий в плечах, способный, наверное, поднять Машку одной рукой, вдруг тоже запнулся, взгляд его затуманился – на милиционера очень-очень пристально глядел Игорь.

Остальные бойцы, напрягшиеся было – кое-кто даже направил на магов оружие, – облегчённо завздыхали.

– Так-то оно лучше, – буркнул Игорь. Пот на его висках блестел россыпью, алой от пламени костра.

Маша ничего не ответила, только потянула воротничок, словно задыхалась.

Возвращались медленно, осторожно. Морозов тем не менее оправлялся – шагал всё увереннее и вопросов больше не задавал. Кое-кто из его людей с некоторым подозрением поглядывал на магов, но, наверное, никто из них не верил, что их лейтенанта может вот так влёгкую взять какая-то рыжая девчонка.

Откуда ни возьмись снова появилась кошка. На сей раз она даже мяукнула, почти приветливо, в упор глядя на Машу совсем не по-кошачьи красными глазами.

Болотина тем временем совсем успокоилась. Мрак сгустился, став почти чернильным.

– Как тут чего доставать? Не видно ж ни зги… – пробурчал Морозов, вновь становясь прежним. – Фокин, давай ракеты. Видишь, пригодились. Игрунов, берись за костёр. Товарищи маги, вы сказали, что тросы с кошками понадобятся?

Игорь кивнул.

– Мы поможем тянуть. Одной кошкой тут не справишься.

– Хорошо ещё, что недалеко от тропы, – подала голос Маша. – Игорёха, держи этого чудла. Я тела нащупаю. Эх, эх, пошли, что называется, по грибы…

– А остальные-то где? – мрачно осведомился лейтенант. – Не показал ваш поиск?

Игорь покачал головой.

– Если этих двоих вытащим – то и на след остальных выйдем, товарищ Морозов. Это уже куда проще, чем большой поиск, да ещё с таким чудом-юдом под боком.

– Здесь, – Маша зажмурилась, ткнув пальцем в чёрное блестящее окно воды среди вспухших, словно нарывы, моховых кочек. – Забрасывайте кошки. Игорёна, наводи. Я её держать стану.

– Её? – удивился Игорь.

– Это… она, – почему-то без тени сомнения, но чуть смущённо отозвалась Маша. – Я почувствовала.

Разведённый умелыми руками бывших армейских разведчиков костёр ярко пылал, горели специальные факелы – даже они нашлись в хозяйстве у рачительного Ивана Степановича Скворцова, непонятно, по каким фондам выбитые, по каким лимитам проведённые…

Теперь тела Маша видела как никогда отчётливо. Двое мужчин. Н-да, не иначе как баб до последнего прикрывали… Фронтовики небось…

Сверху спускались якоря-кошки, светились мягко-янтарно. Игорь работал филигранно. Именно наводил, аккуратно заводя лапы якорей куда следует.

А где ж чудовище-то? Не померещились же им пятнадцать по Риману и почти двадцать по Чикитскому?

«Не буди лихо, пока спит тихо», – успела она подумать, прежде чем перед глазами вспыхнуло новое солнце – магический удар был нанесён мастерски, по всем правилам. И тянул самое меньшее на десятку по всё тому же Риману. Чистая сила, без каких-либо изысков. То, что как раз и учили отбивать, что она впервые – по наитию – сделала ещё на фронте, как раз в Померании, когда вокруг всё рвалось и горело, а немцы шли в своё последнее, самое отчаянное контрнаступление.

Среди болотной тьмы и мглы, в глубине, под слоем застывшей воды, подо мхом, под кочками и корягами, под корнями низких сосёнок – шевельнулась, ожила и оконтурилась призрачным огнём человеческая фигура. Развела руки в стороны, оттолкнулась от дна и упрямо, неудержимо полезла вверх, словно отвечая на зов.

«Мама-мамочка, я ж её не удержу, – вдруг с ужасом поняла Маша. – Пятнадцать по Риману, во всей красе. Игорёха, чёрт, давай уж, тяните скорее, пока она не выбралась!»

Второй удар Машка уже не отбила – еле-еле отвела в сторону, краем сознания ощутив, как где-то там, среди болот, из чёрной воды, размётывая мох, коряги и кочки, к ночному небу рванулся столб испепеляющего пламени.

Сжалась, лихорадочно повторяя формулы, выстраивая защиту, хотя уже понимала – зря надеялась на свои восемнадцать, талант – талантом, а выучки маловато, опыта, пятнадцать по Риману ей не сдержать.

Но невесть откуда и невесть от кого вдруг подоспела подмога. На незримый огонь словно вмиг накинули узду, смиряя и поворачивая его поток. Маша на мгновение даже увидела тонкую серебристую нить, опутавшую бьющуюся под слоем мха фигуру. Вторую нить, третью. Такую нить Марии всего раз или два удалось самой выбросить. Один раз – всё там же, в Померании, а второй – на зачёте. Хотелось тогда перед Арнольдычем похвастаться. Эх и разозлился он. Оказалось, не метод это для советского мага. За подобные ниточки в такие места попасть можно… Неужто кто из фрицев неупокоенных помогает, из тех, кто в здешних болотах сги-

нул? Не похоже. Нити скрутили болотное страшилище крепко, но бережно. Убивать не хотели, только удержать.

Помогли – но кто? Не Игорь, это ясно – тот сейчас изо всех сил тянул из трясины оба тела.

Транс прервался. Она вновь стояла на тропе – хорошо, не опозорилась, не пришлось нашатырь нюхать. Дыхание срывалось, в глазах плавали, пульсируя, красные круги, спина вся вымокла, хоть рубашку выжимай.

Но зато на тропе, на краю болота, лежало рядом два тела. Над ними склонились Игорь и лейтенант.

– Нашли? – выдавила Маша.

– Нашли, – мрачно подтвердил Игорь, выпрямляясь и охлопывая себя по карманам. – Да только не тех.

– К-как не тех?

Маша на негнущихся ногах двинулась в сторону страшной находки. Тела были старые, не вчерашние, хоть болото и не дало времени и тлению поработать над ними. На одном мертвеце была тёмная от болотной жижи, порванная в нескольких местах голубая когда-то соколка. В прореху выпала хитрого плетения цепочка. Игорь поддел её кончиком перочинного ножа. Вытянул. На толстой цепочке болтался жестяной кругляш медальона, а рядом – перекрученное серебряное колечко, словно висело ещё что-то на груди мага, но сорвал его страшный противник. Даже – если приглядеться – заметен ожог на груди. Игорь осторожно заглянул за ворот второму мертвецу.

– Это маги, Маха. С жетонами, со смертными медальонами. Офицеры. Действующая армия… или милиция, пока не знаем. Ваши, лейтенант? – Он обернулся к Морозову. – Откуда они тут взялись?

– Не милиция это и не армия, – ответил глухо лейтенант. – Советские воины не стали бы бежать от опасности.

Он поддел сапогом одно тело, перевернул на живот.

Маша взглянула на трупы одним глазом, и её тотчас замутило. Замутило, хотя на фронте, казалось, навидалась всякого.

Спина у мёртвого мага была разворочена, наружу торчали обугленные осколки рёбер, словно кто-то садистски выламывал каждое из них.

– Михаил Мишарин. Владимир Мрынник. Личные номера, – Игорь держал в горсти медальоны. Оба светились тускло-янтарным светом, послушно ответив на прикосновение мага.

– Откуда они тут взялись? – беспомощно выдохнул Морозов.

– Это у тебя, лейтенант, лучше спросить, – бросил Игорь. – Самое большее – три недели прошло, ну, может, четыре, учитывая магию. Кто они? Откуда? Наши, кармановские, местные – или приезжие? А, лейтенант? Ты охраной в горисполкоме командуешь, через тебя все книги посещений проходят – были такие?

– Что пристал? – отвернулся Морозов, сердито сплюнул. – Никогда я этих молодчиков не видел. А кармановские, нет ли – не знаю. Город всё-таки, не деревня. Да и не здешний я, назначили полгода назад.

– Значит, живы наши-то? – подал голос один из бойцов, Фокин.

– Скорее всего, – кивнул Игорь. – Тела вынести надо, деваться некуда. А потом ещё… смотри, Маш, – он склонился над трупом.

Преодолевая дурноту, Маша вгляделась.

Веко покойника чуть заметно подёргивалось.

– Денекротизация в чистом виде. Уже началась, – прокомментировал Игорь. – Понимаешь, что делать надо?

Маша понимала. Недоожившие трупы нести в город, там, в морге, в особой комнате, проводить долгий, нудный, грязный и опасный ритуал. А потом хоронить – в бетонном гробу,

потому что бывали случаи спонтанного денекроза уже очищенных, казалось бы, лучшими специалистами трупов.

А ещё это означало, что, по всем писаным инструкциям и по неписаным, но не менее жёстким законам сообщества магов, своих погибших надо было выносить немедленно, потому что их смерть могла обернуться куда большей бедой, чем, к примеру, неразыскание тех шестерых бедолаг, из-за которых всё и началось.

– Надо возвращаться, – выдохнул Игорь, вставая. Как показалось Маше – с отвращением к себе. – Мёртвых… обиходить. Доложить куда следует…

Доложить куда следует они и впрямь были обязаны. Отделения МГБ в Карманове не было, докладывать надлежало напрямую в область.

– Маш… Давай последний заход, а? Хоть бы только на «мёртвый-живой», без привязки к местности?

– Недопоиск…

– Ну да. Чтоб не с пустыми руками домой. И родне сказать, мол, живы, знаем точно.

– Давай. – Рыжая тряхнула волосами.

…И вновь им помогли. Болотная тварь дёрнулась раз, другой, почуяв творимое рядом чародейство, хоть и куда слабее, чем поиск по Курчатову, – и замерла, придавленная, словно бетонной плитой, чьим-то сильным и сложным колдовством. Сплетено было так тонко, что Игорь, похоже, так ничего и не заметил.

А люди ещё оставались живы. Заклятие отвечало на вопрос ясно и недвусмысленно.

– Хоть тут всё удалось, да, Маш?

– Угу. И не так далеко. До утра протянут. Во всяком случае, от жажды не умрут, хотя здешнюю воду пить… – Она покачала головой.

– Ничего, тут-то базовый курс наш и пригодится.

Бойцы лейтенанта Морозова тем временем сноровисто уложили тела погибших на носилки, благодаря усилиям Игоря не замечая, что у одного всё отчётливее дёргается веко, а второй уже приметно подёргивает указательным пальцем, и вся процессия двинулась прочь из недоброго леса.

Игорь шёл впереди, отыскивая путь по магическим меткам, сосредоточенный и суровый. Но где ему было почувствовать; а вот Машка никак не могла избавиться от ощущения, будто ей пристально смотрят в спину, словно решая, друг она или враг.

В горисполкоме, конечно же, никто не спал.

Иван Степанович Скворцов выскочил к ним навстречу – вместе с ещё несколькими незнакомыми в армейской и милицейской форме. Носилки с мертвецами тут же подхватили, загружая в невесть откуда взявшийся фургон: окошки в кузове закрашены белым. Милицейский чин с каменным лицом и погонами капитана подступил к вытянувшемуся по стойке «смирно» Морозову, что-то негромко, но очень жёстко бросил.

– Давайте за мной, – махнул рукою Скворцов ребятам.

– А… как же мёртвые…

– Успеете. Если надо, вам всё скажут и вызовут куда следует. – Деревяшка цокала по мраморным ступеням. – Рассказывайте пока всё по порядку: что там случилось, чего и как.

Маша с Игорем переглянулись. В тихом Карманове творилось что-то совершенно непонятное. Двое магов. Настоящих, с офицерскими жетонами, и Игорь готов был поклясться, что обе фамилии ему хоть и смутно, но знакомы.

– Садитесь. – Скворцов бухнул на стол три стакана с дымящимся чаем, придвинул тарелку с колбасой, явно из кооперативного ларька. «По сорок семь рублей кило», – машинально отметила Маша. – Не нашли наших-то, значит?

Игорь покачал головой.

– Но знаем, что живы. А точно определить не смогли, потому что…

– Иван Степанович! – вдруг перебила Маша. – Товарищ Скворцов! Мы тут… – она замолчала, набираясь смелости, – столкнулись кое с чем.

Председатель собирался было придвинуть Маше чай, но остановился, так и не коснувшись стакана.

– С чем? – ровным голосом переспросил он.

– Там, на болоте… Мы видели то, что убило магов, – выпалила Маша, так и впившись взглядом в лицо председателя: знает или нет.

– И что это? – неторопливо размешивая в стакане сахар, спросил Скворцов. Но сахарная заверть дёрнулась. Игорь бросил взгляд на побелевшие от напряжения пальцы председателя, сжавшие ложечку. «Молодец Марья, – подумал он про себя. – В точку, видно, попала. Что-то ему известно. Может, и не всё, но уж всяко больше, чем двум свежеиспеченным магам».

– Может, вы знаете, Иван Степаныч, – пошла ва-банк Машка, – что тут на болоте делается? Такое ни в одном определителе не найти! Никакая нечисть лесная или болотная под описание не подходит!

Ложечка в руке председателя мерно позвякивала. Он всё мешал и мешал свой чай, мешал и никак не мог остановиться.

– Вы… это самое… которое не из определителей… сами видели? Как выглядит-то?

– Мы… – начал было Игорь, намерившись рубануть прямо, без лишних слов, но Рыжая пнула его под столом, и он осёкся.

– Как выглядит? – Маша с прищуром смотрела на подобравшегося, напряжённого Скворцова. – На человека похоже, только… с крыльями, – вдруг добавила она по наитию.

Разумеется, о том, что существо выглядело так в диапазоне, доступном магическому зрению, товарищ Угарова умолчала. Игорь смолчал тоже, вторично получив по голени.

– Как человек? – растерялся Скворцов. – С крыльями? О боже мой… – вырвалось у него совсем недостойное твердокаменного коммуниста и бывшего красного командира, «проклятых попов» шашкой рубавшего.

– Как человек, – кивнула Маша. – С крыльями. Вы про это ничего не знаете, а, Иван Степанович?

Скворцов не ответил. Сидел, играя желваками на скулах и сжимая подстаканник.

– Что там на болоте? Кто двух магов-офицеров задрал и бросил? Не сожрал, как нечисти такого рода положено, а оставил. А, Иван Степанович? – Машка чувствовала, как закипает внутри злость. Пережитое давало о себе знать. Пальцы дрожали, живот свело. Знал Скворцов. Знал и смолчал. Да ещё и на болото отправил. А если бы она удара не сумела б отвести? Вырвала бы тварь им рёбра…

– Вы знали, что те двое магов в болота пошли, Иван Степанович?

Врать Скворцов умел плохо.

– Да откуда ж мне знать-то? Я простой исполкомовец, мне госбезопасность или, там, милиция не докладывают. Только если чего-то от города нужно, стены в отделении побелить или там… Я их лично никуда не посылал, начальник горотдела капитан Мальцев – вы его на дворе видели – тоже. – Председатель пожевал губами, собираясь с мыслями: – И вообще, дорогие мои…

– Вспомнил, – неожиданно проговорил Игорь. – Всё припоминал там, на болоте, отчего мне маги эти кажутся смутно знакомыми… И вспомнил сейчас: одного, Михаила, Виктор Арнольдович упоминал как-то, когда я его про аспирантуру спросил. Мол, талантливый маг места дожидается. Да, не для себя спросил, тебе. Мне-то куда… – отмахнулся он, заметив удивлённый Машкин взгляд, и продолжил: – И второго потом вспомнил, Владимира Мрынника. Фамилия смешная. С нашего факультета он, предвоенного выпуска. Сдвоенного, когда разом два последних курса выпускались. Я про них в многотиражке читал, когда к пятилетию

Победы списки составляли, мол, ребята «Т-факультета» на фронтах Великой Отечественной. Маг-теоретик предотвращает диверсию… Видно, не первый раз вы магов в Карманов просили у института. Вы не только знали, что они прибыли в Карманов, – вы запрос посылали. Сперва на этих двоих, теперь вот на нас…

– Не просил… – оборвал его Скворцов. – Этих… не запрашивал. Сами прибыли, замеры какие-то делать. Сказали, посмотреть, не осталось ли с войны чего магического, опасного для мирного населения. Мне ведь не докладываются особо. Позвонили насчёт них из Москвы. Я встретил, до болота проводил. И помощь предлагал, так все гордые, корочками новыми трясут…

Игорь, собравшийся уже спросить, кто звонил и кем были подписаны сопроводительные документы, при этих словах потупился, вспомнил, как обидело его в первый день небрежное отношение молоденького милиционера к удостоверению мага.

– Значит, пошли на замеры, а наткнулись на что-то другое… – задумчиво проговорила Маша. – На что-то или на кого-то… Но вы ведь не знали этого, да? Признайте, надеялись вы, что мы тела отыщщем, потому и снабдили так щедро из своего запаса. Видно, и правда, непростое дело, раз сразу нам не доверились, за бумажки посадили. Ждали удобного случая? А тут как раз грибники пропавшие подвернулись. Каждый год кто-нибудь да заплутает, не ново это для Карманова, но раньше магов на болото не посылали искать… Так что там может быть, Иван Степанович? Что вырвало рёбра двум талантливым сильным магам и едва не дотянулось до нас? Если и не знаете точно, хоть догадками поделитесь.

Председатель ссутулился, понизил голос, так что магам пришлось невольно придвинуться ближе, чтобы расслышать его слова:

– Понимаешь, Мария, тут такие обстоятельства, что всего не скажешь. Просто не могу сказать. Дело выходит сложное и не кармановского масштаба. Понимать должны, что есть вещи, о которых нам с вами лучше и не думать. Не нашего ума дела.

– Не нашего ума? – Машка едва не подскочила, ярость сдавила горло. – Куда уж нам. На болото к дряни какой-то послать – можно. Авось не задерёт. Но знать не положено. Вдруг да поймём.

– Маш, зря ты так, – начал было Игорь, – у Иван Степаныча приказ… наверное.

Скворцов молчал.

– Приказ? – набросилась Машка на Игоря. – Если бы приказ, наверху бы знали. Магов бы не прислали парой. Дивизия бы уже стояла…

– Молодец, – мрачно и зло сказал Скворцов. И замолчал.

– Значит, не расскажете? – проговорила Маша. Скворцов опустил глаза, но отрицательно качнул головой:

– Не могу, Марья, хоть режь. Секретное дело. Вы ж фронтовики, понимать должны, что я тут по рукам и ногам связан.

– Не можете, понимаю. Но поутру надо снова будет туда идти, – глядя искоса, закинула удочку Маша. – Те шестеро – они ведь где-то там, на болотах. Живые. Вытаскивать надо. Нарвутся милиционеры на это чудо… А вдруг там оно и не одно?

Скворцов пожал плечами, мол, сами знаете.

– В Москву сообщать надо, не иначе, – впившись взглядом в лицо председателя, сказал Игорь.

– Вы насчёт Москвы не думайте. Я ж всё-таки покамест председатель. Сообщу, кому следует. А вот пропавших в лесу найти – наша с вами первая задача.

Машка и Игорь, уже смирившиеся было с тем, что тайна так и останется тайной – с приказом не поспоришь, – с удивлением увидели, как бегают глаза председателя, как побелело его лицо при слове «Москва».

– Недоговариваете вы, товарищ председатель, – Игорь строго воззрился на смешавшегося Ивана Степановича. Умел Игорёха в свои годы быть, когда нужно, и суровым, и грозным, и про моральный долг человека и коммуниста напомнить. – Людей под угрозу ставите. Если в болотах такое сидит, и вы про это знали, обязаны были колючей проволокой всё оплести, чтобы и близко б никто не сунулся!

– Будешь ты меня, сопляк, учить, как о людях думать! Стыдить будешь? – прорычал Скворцов и добавил чуть теплее: – Или, может, ты, Маша? Вот такую тебя на руках нянчил. А теперь подросла Машура – и показания с меня снимать будет.

– Может, и буду! – Маша гневно сверкнула глазами. Тяжёлый, каменный взгляд словно ударил председателя. Тот чуть подался в сторону, переступил – чиркнул по полу под столом протез. – Меня партия не для того учила, чтобы я на безобразия глаза закрывала! Жалобы всюду писать стану, так и знайте, *гражданин* Скворцов: и в обком партии, и в Москву, в комитет партийного контроля, и Виктору Арнольдовичу самому тоже напишу! Он-то должен будет узнать, что двое его учеников тут погибли!

– Должен узнать, как же! – взорвался председатель, вдруг вскакивая. Деревяшка яростно стукнула по ни в чём не повинному полу. Стаканом Иван Степанович грохнул об стол, чай выплеснуся на зелёное сукно. – Вот и пусть узнает! А обкомом ты меня, Угарова, не пугай. Ни в тридцать третьем, ни в тридцать седьмом, ни даже в сорок первом труса не праздновал, так что и теперь штаны не намочу. Больше «вышки» не дадут, дальше Колымы не отправят.

– Зря вы так, Иван Степанович, – постарался примирить всех Игорь. – Раз уж мы здесь, это уже «нашего ума дело». И вы правда… сказали б нам, как есть. О том, чем тут дело пахнет, мы потом с вами потолкуем. А заблудившихся всё равно искать надо, есть на болотах чудовище, нет ли. А поскольку оно там есть и двоих магов убило – надо искать как можно скорее. Прямо с утра, по свету. Только мы теперь с Ма… с товарищем Угаровой вдвоём пойдём. Нам автоматчики ни к чему.

– Ага, ни к чему, – кажется, Скворцов тоже искал возможности отступить, не теряя лица перед дерзкой рыжей девчонкой. – А если они ранены? Если идти не смогут? Если помощь срочно оказать потребуется? Или вы, как в «пределах базового курса», сумеете?

– Если надо, то сумеем, – Игорь не отвёл взгляд.

– Нет уж, – отмахнулся председатель. – Морозов вам тогда не помешал и теперь не помешает. А про магов этих – забудьте, как коммунистов прошу. Вы, что смогли, сделали. Теперь они не будут «без вести пропавшими» числиться.

– С ними поработать нужно. Там процессы… – вспомнила Маша подрагивающее веко мертвеца.

– Их кремировали уже, чтобы… в общем, во избежание. Отвезут родне пепел, всё одно, что цинковый гроб – глядеть не на что, зато похоронят по-человечески, семьи пенсии получат за утрату кормильца…

Маша вдруг приподнялась, в упор глядя на Скворцова и быстро складывая пальцы рук в странные фигуры. В просторном кабинете вдруг ощутимо запахло озоном.

– Э-э, Угарова! – предгорисполкома вдруг разом покрылся пóтом. – Ты мне это брось! Ты что ж удумала, на меня, ответработника, со своей магией лезть?! Не знаешь, что за такое бывает?

– А меня тоже дальше Колымы не пошлют. – Машка от досады закусила губу. – Защита у вас хороша, а вот врёте вы, гражданин председатель, неумело. Вас даже на детский утренник Бабу-ягу играть бы не взяли. Вот и нам вы лжёте почём зря, за кресло боитесь, хоть и пыжитесь тут, хоть и храбритесь. Ладно, гражданин Скворцов, мы с товарищем Матюшиным уходим уже. Разговаривать с нами, сказать, как оно по правде было, вы не хотите. Что ж… на поиски мы всё равно пойдём.

Рыжая хотела сказать ещё что-то. Гнев так и клокотал в ней. Скворцов смотрел на них со странным выражением лица, в котором угадывались жалость, досада и… страх. Не за председательское место, даже не за жизнь боялся Скворцов. За что? И, главное, кого? Игорю вспомнилось бледное лицо старика Верховенского, нехорошая его улыбка – «к декану вашему за помощью и содействием» – и презрительное превосходство во взгляде выцветших глаз. Он схватил Машу за руку, сжал так, что она ойкнула и, выдернув ладонь из железной хватки Игоря, потёрла побелевшие пальцы.

– Не сердитесь, Иван Степанович, – Игорь примирительно развёл руками. – Но история и впрямь странная донельзя. Если секреты какие здесь есть, государственные, о которых и в столичных верхах не всем знать положено, – так ведь мы все, маги-выпускники, не просто гражданские специалисты, но и офицеры. И вместо паспортов у нас – офицерское удостоверение личности. И допуск на каждого из нас оформляли. Нам-то сказать вы всё можете. А, Иван Степанович?

На Скворцова было жалко смотреть. Председатель как-то враз сник, осунулся и постарел на добрый десяток лет. Сложись иначе, не стали бы они так мучить старика, всё-таки свой человек. Сколько лет всему Карманову поддержка и защита. Но тут – не о Карманове речь. Не только о Карманове.

– Эх, ребятки… Маша, не сверкай на меня глазами. Одно дело делаем, нам с вами тут ругаться не с руки. Не по-советски это, не по-коммунистически. Что в болотах у меня какие-то дурные дела творятся, я знал. Нет, люди до сих пор не пропадали. Грибники стали те места стороной обходить. Лешие опять же совсем с ума спрыгнули, по сараям в деревнях весной находят. Слыханное ли дело, чтобы лешак в дом лез.

– Мы такого ничего не слышали, – с сомнением протянул Игорь.

– Не успели просто… – Скворцов глядел в пол. – Опять же, бабий трёп – в него и в самом Карманове не все верили. Пошло это, дорогие мои, ещё с войны, с осени сорок первого. Вы вот знали, например, что товарищ Потёмкин, Виктор Арнольдович, был здесь в те дни, когда немцы к Карманову подступали? По глазам вижу – нет. Не знали… Бой тут был жаркий, только нам не видимый. Кто там сражался, как – врать не стану. Только остановили тогда фрицев на дальних подступах, такого шороху нагнали, что на нас они уже не полезли. Арнольдыч, помню, тогда вернулся, лица нет, сам чернее тучи.

Маша с Игорем все обратились в слух. Иван Степаныч тяжело сгорбился, подпёр ладонью голову, словно не осталось сил держать, и говорил негромко, хрипловато, обращаясь главным образом к зелёному сукну стола, потемневшему от разлитого чая.

– Я ж его давным-давно знаю, Витю… С восемнадцатого года, когда в одном эскадроне оказались… беляков вместе крошили… Лихо он воевал, ничего не боялся – ни пули, ни снаряда, ни заклятья… Хоть и крутенёк был, ох, крутенёк! Сабелькой любил помахать, после боя-то… По тем-то временам, пока Лев Давидович, главком тогдашний, в силах оставался, с рук не только что сходило, а и хвалили, и в пример ставили, и ордена вешали… Это сейчас по головке б не погладили, а если по правде – так и к стенке могли поставить… за эксцессы, как говорится, хе-хе…

Только вот не шибко задержался у нас Виктор Арнольдыч-то, приятель мой… Заметили его дар, в Москву с фронта отозвали. Институт окончил, потом Академию и в гору пошёл. Он – в гору, а я… в госпиталь, там ногу отрезали, и хорошо ещё, что только по колено. Ну, а потом уж сюда. Опять же другу Вите спасибо – хоть и молод был, а уже его отличали. Замолвил словечко… Что ж, говорю себе, товарищ коммунист Скворцов, будешь бороться за счастье трудового народа теперь тут, в родном Карманове. Кто ж мог подумать, что до нового нэпа доживём, мы, старые революционеры?! Впрочем, не про то я… про сорок первый речь…

Так вот, вернулся тогда Виктор сам не свой, снега белее, словно мальчик-кадет, впервые мёртвого увидевший. Трясло его всего, лицо до кости, почитай, сожжено, вместо бедра – кро-

вавая каша, осколки костей торчат. Уж не знаю, как выдержал, как добрался – крепка, видать, его магия, не зря и генералом сделался, и профессором, и деканом… Вернулся и говорит, мол, Иван, немцев мы остановили, но ценой такой, что лучше бы про неё никому и не знать. Вот тут я прежнего Витю и вспомнил, красного кавалериста… Что-то знакомое проглянуло, хотя с другой стороны, конечно. Сделал он там что-то такое… за пределом, за чертой, словно двадцать лет назад, в Гражданскую, когда белую сволочь к Новороссийску гнали… Только тогда он лишь ухмылялся да саблю вытирал, а теперь словно ума лишился. «Ты, Иван, только не говори никому. А то и мне несдобровать, и тебе». Я ему: «А меня-то ты чего приплетаешь?» А он мне: «Твой городок, тебе ещё небось и орден повесят за героическую оборону, а мне теперь с таким жить, что лучше тебе, простой душе, о том и не задумываться». А у самого на глазах слёзы стоят.

Игорю и Маше казалось – весь мир сейчас исчез, остался только этот стол под зелёным сукном, дурацкий казённый графин с треснувшей пробкой да пятно от пролитого чая, – а над ними хрипло выкашливает, выворачивает наизнанку душу человек, молчавший целый десяток лет. И о чём молчавший!

– Короче, сказал Виктор, товарищ-полковник Потёмкин, – генерала-то ему уж много после дали, – что полегли в наших болотах самые лучшие маги, те, на кого столько надежд было, на кого впору молиться. Нас защищали. Защитить не смогли, только задержали зло. Запечатали, и для того, чтобы это зло остановить, пришлось такую магию в ход пустить, что, узнай о ней в Москве, Колыма курортом покажется. Осталась смертоносная колдовская дрянь там, на болоте: ни убрать, ни убить, ни усыпить. Мол, у немцев сильные маги там оказались. В общем, запечатал болото Витя, а мне сказал: ежели что случится – дать знать. Я ему: «О чём ты, какое «дам знать», война же!» А он усмехнулся только – помирать буду, ту усмешку вспомню, трупы ходячие веселее да живее усмехались – и говорит: ничего, мол, ты мне только напиши, вот номер полевой почты, а дальше письмо меня быстро найдёт. И сам приглядывать буду, говорит. За то, что я отныне погибшим должен, мне век не расплатиться.

Долго так оно всё и было. Немцев от Карманова отбросили, потом фронт встал, потом фрицы на Сталинград попёрли… Но то уже далеко от нас было. Жизнь своим чередом пошла, хоть и военным. Ну да нам не привыкать. Сперва-то я болота того боялся как огня, а потом смотрю – ничего там такого не делается, тишь да гладь, ну и стал забывать о нём. Других забот хватало. Шутка ли, вся война прошла – а ничего этакого у нас не приключилось. Я уж подумывать стал, не ошибся ли друг Виктор Арнольдыч, ведь столько лет минуло… Ан нет, не ошибся, чертяка, всё верно сказал. Слухи поползли… нехорошие. Но до поры до времени одни только слухи. Люди не пропадали, зла никакого не творилось, а в лесах у нас каких только чудес после войны не водилось. Даже некрофаги. Мелочи всё, ерунда сущая. Грибники, охотники жаловались, что даже самым бывалым мужикам внезапно так страшно становится на том болоте, что хоть беги. Потом ребята по весне в овине лешачка поймали, и кумушки раскудахтались, что не к добру, что-то из лесу нечисть мелкую гонит.

В общем, когда слухи стали уже и до меня добираться, позвонил я. Было у нас условлено, как весть подавать, ежели что… Он пообещал «человечков послать». Вот и послал. – Скворцов с горечью кивнул на окно, где давно воцарилась ночная тишь; спецмашина с двумя трупами давно уехала. – Они ушли и не вернулись. Сам я, старый дурак, беду привёл. Горе-то – лешие в деревне, грибники напуганные, что сунулся?! Два колдуна погибших – это уже беда. Оказалось, один из магов этих… МГБ его смертью заинтересовалось: приезжали сюда, спрашивали. Только следов никаких не осталось. Приехали они рано, на глаза никому не попались, сразу в лес отправились, там и пропали. Известно: взяли билет на поезд, что через Карманов идёт. А вещи их я тогда сам в Москву отвёз. Кремируют их – и уж никакой некромант ничего не выпытает у мёртвых. А вот у живых… Если узнают, где вы магов нашли, будут всё вокруг Карманова с лупой, с микроскопом разглядывать. Кто знает, что выйти может, если наткнутся

на ту памятку с сорок первого года. Так я Вите и сказал, а он вот как ответил – вас прислал. – Председатель хрипло прокашлялся, залпом опрокинул в рот остывший чай. – Не знаю, почему. Видно, доверяет крепко. Знает, что разберётесь и не побежите докладывать… куда следует. На вас одна надежда. Я ведь не о себе. Родной дом, семьи свои защитить прошу. Ведь не чужие вы здесь. И Витя в вас не на пустом месте так верит…

В голосе председателя слышалась такая мольба, такая горечь и отчаяние, что Игорь покраснел и опустил глаза. Стыдно стало за старого фронтовика.

Маша зябко повела плечами. Чем-то жутким повеяло от рассказа председателя, жутким и замогильным – нет, не денекротизированными трупами, чем-то иным, ещё страшнее.

– И-иван Степанович… – Игорь тоже откашлялся, собираясь с мыслями. – Дело, конечно, непростое, но мы…

– «Козлик» мой внизу стоит, он вас и отвезёт по домам, – Скворцов тяжело поднялся, приволакивая протез. Скррр… скрррр… не слыхать больше бодрого постукивания. – Думайте. Я тут бессилен. Всё, что знал, выложил. Может, не зря верит в вас Потёмкин.

– Мы сперва в морг заедем. Мало одной кремации, чтобы мага упокоить, надо и другие оболочки разрушить и тонкое тело освободить. А завтра с утра пораньше грибников пойдём искать. Там, на болоте, и подумаем. В лесу всегда лучше думается, – тщательно выбирая слова, ответила Маша.

– Запретить не могу, – уныло сказал председатель. – И посылать тоже не могу. Сами решайте. Может, сумеете без шума управиться: у вас сила и знания, Арнольдыч хорошо натаскивает, а у меня – запасы кое-какие есть. В случае чего – могу и за ниточки нужные потянуть…

– Мы пойдём, – повторила Маша. – Только Виктору Арнольдовичу сообщить надо. Раз уж знаем теперь, что к чему, может, и он с нами по душам поговорит. Да хоть бы объяснил, почему сам до сих пор с этим не разобрался. У него же силища не в пример больше нашей.

– Сравнила, матушка, – пробормотал председатель. – За таким магом, как Виктор, – пригляд особый. А тут, сама видишь, дело непростое… Даже мимо города будет проезжать – тотчас два и два в МГБ сложат, тут же вспомнят магов, что уехали на кармановском поезде и сгинули. А тут издали, видно, не рассчитаешь. Я ему и замеры делал – есть кое-что из оборудования, что уж скрывать, скопидом я по этой части. Что с войны осталось, всё сберёг. Оказалось, в лаборатории такого не воспроизведёшь. Нужно на месте…

– И Отец нас, значит, прислал… – пробормотал Игорь, глядя в пол. – Теоретиков.

– Прислал, – кивнул председатель. – Значит, справитесь. Не ошибается он.

Вернувшись из морга, где они тщательно проверили кремированные останки на магический фон и совершили необходимые обряды упокоения, остаток ночи Игорь с Машей провели дома, заставляя себя если не уснуть, то хотя бы расслабиться – как на фронте перед боем. Пришлось повозиться, но процедура прошла на удивление штатно – от и до, как по прописям.

Придя домой, успокоили, как могли, родных. Мол, ничего страшного, пропавшие живы, просто добраться до них не так легко, в самые дебри забились, грибники неистовые. Осторожно поспрашивали, не слыхал ли кто чего про те места, – матери пожимали плечами: да, болтали бабы на базаре, что нечисть шалит, охотникам девушки полуодетые мерещатся, ну так они про это всегда болтали, образованному человеку во всё такое верить даже и неприлично. После войны много чего жуткого и странного по дебрям случалось, лешие и прочие обитатели во время боёв чуть с ума не сошли – чего ж теперь удивляться-то? И хотя случались после войны в заречных лесах трагедии, но случались они по причинам понятным, хоть и горьким, главным образом от не разорвавшихся вовремя мин или снарядов. Чтобы кто-то погиб, нечистью задранный, – нет, давно уже не бывало.

Скворцов встретил их возле горисполкома – подтянут, выбрит, освежён одеколоном. Собран. Вместо костюма с галстуком – полувоенный френч с портупеей, на ней – пистолетная кобура.

Не пустая.

Рядом вместе со своей командой вышагивал и лейтенант Морозов, и выглядел он – краше в гроб кладут. Ночью точно глаз не сомкнул, и это самое меньшее.

– Ну, удачи вам, ребята, – сердечно простился председатель. – Маша, Игорь, на два слова…

Вы не серчайте на меня, товарищи маги. Так уж вышло, – развёл он руками. – Помните, что я вам вчера говорил. Про товарищей наших, десять лет назад смерть геройскую принявших. За Родину, за народ трудовой… Думал я о том, что вы сказали, Машенька. Если и остался кто… Может, от фрицев гостинец, но если… из наших кто там, в болоте, не мёртвый… Не надо их имена полоскать. Что они за черту шагнули – так не нам их судить. Что немцы такого в ход не пустили – то их фашистское дело. А наши вот пустили. И победили! Хотя и сами полегли!

– А вы-то, Иван Степаныч, были знакомы с ними?

– Нет, Маша, не был, – вздохнул председатель.

– Хоть приблизительно узнать, что там было. Виктора Арнольдовича скоро никак не расспросить, а людей спасать надо. Не вспомнили вы ещё чего-нибудь, что нам бы помогло?

– Не говорили мы с Витей о таком. Может, не хотел лишний груз на меня валить, а может, думал, не пойму. Сказал лишь, что такое даже фашисты в ход пускать боялись, хотя и была у них в то время похожая разработка. Знаете, как с газами? В империалистическую-то, в первую германскую, травили друг друга без устали, а в Отечественную – уже нет. Больно газы страшными сделались. Глазом моргнуть не успеешь, а полстраны в кладбище обратится, твою собственную армию не исключая. Таскали мы всю войну противогазы, таскали, да, к счастью, обошлось всё. Так что… счастливо сходить, невредимыми вернуться. И пропавших найти!

– Найдём, товарищ председатель, – хмуро и решительно сказал Игорь, не глядя на Скворцова.

– Вот и славно. Это по-нашему, по-большевистски… Морозов! Готовы?

– Так точно, – хмуро бросил лейтенант. – Товарищ председатель! А может, всё-таки…

– Не может! – оборвал его Скворцов. – Всё, хватит время терять! В добрый путь. И возвращайтесь. Пожалуйста.

По знакомой тропе идти было проще. Прозрачный воздух звенел, что-то на тысячу тоненьких голосов пело и стрекотало в траве. Утро выдалось ясное, чудесное. Почти такое же, как второго мая, когда почти окончательно стихли выстрелы в Берлине и младший лейтенант Игорь Матюшин, расписавшись на рейхстаге, глазел на почерневшие от копоти Бранденбургские ворота.

Засечки, оставленные Машей, никуда не делись, так что нужное место отыскали без труда.

– Лешаки смотрят, – вполголоса проговорила Маша, вглядываясь в окружавшую их чащу.

Игорь молча кивнул. Лесная нечисть (или, вернее, нелюдь – особого вреда от леших не было, а порой удавалось и существенной помощи добиться) напряжённо ждала. Из-под еловых лап выглядывали самые мелкие и шустрые. Игорь шикнул на них, и лохматая мелочь бесшумно кинулась прочь. Кто-то с перепугу поднял зайца, и длинноухий стриганул по краю болота.

– Боятся топи, шантрапа.

– Правильно боятся, – кивнула Маша. – И нам туда соваться нужды никакой. Потерявшихся там нет, это точно. Едва ли они ночью бродили. Скорее пытались на одном месте отсидеться.

– Давай ещё разок по Курчатову пройдёмся. Только уже с поправками на эту тварь.

Обогнув по широкой дуге роковое болото, вышли на старое место. Чёрное кострище, оставшиеся мелкие окопчики. Лейтенант Морозов мрачно велел своим занимать позиции, отрезал, мол, у меня приказ.

Тщательно, не торопясь, ставили защиту. Четыре уровня, всё по учебнику, как положено. Прежде всего надлежало прикрыть милиционеров – как Игорь с Машей и предсказывали, проку от тех не было пока никакого. Магам творить заклятие, а значит – раскрываться. Тут излишняя защита может даже помешать – как тяжёлые доспехи рыцарям на льду Чудского озера.

Второй раз Курчатов шёл уже легче, хотя почти бессонная ночь и проведённый обряд над прахом погибших чародеев не могли не сказываться. Вновь забеспокоилась, забилась болотная тварь, но теперь уже Маша знала, как с ней справляться. «Ничего у тебя не получится, прости. Если ты от фашистов осталась, то радуйся, пока мы с тобой не покончили. Если ты наша, от того самого «заступления за черту», то… то прости, но покончить с тобой нам тоже придётся. Потом, как потерявшихся разыщем».

Спираль разматывалась; Игорь, как и прошлой ночью, умело скидывал норовившие захлестнуть Машину шею незримые петли. Болотная тварь притихла, сидела, прижавшись к самому дну, словно поняв, что дело пахнет керосином.

Обнаружились и лешаки – попрятавшиеся, затаившиеся за кочками и кустами, напряжённо ждущие исхода. Раскручивающееся заклятие словно высветляло весь лес, делая его цвета сепии, точно на старой-престарой фотографии. Отыскивалось всякое. Немецкая авиабомба, глубоко ушедшая в болотное дно, до сих пор сочащаяся чужой холодной магией; какой-то идол, додревнее городище, поглощённое жадной топью, – поиск по Курчатову не должен был бы являть ничего подобного, но привычные пределы и ограничения опрокидывались сегодня одно за другим.

Страха не было, его вытеснил азарт. Машу захлёстывал пьянящий, кружащий голову восторг – от собственного могущества, почти всесилия. Сейчас, вот сейчас, вот ещё чуть-чуточку – и пропавшие, наконец, проявятся, заклятие сработает, как ему и положено, они выберутся из леса… и всё станет хорошо. Совсем хорошо.

Захват спирали всё ширился. Маша словно парила над болотами и чащей, поднималась выше, выше, к самому солнцу. Ей казалось, что исходящая от неё сила пронзает всё вокруг лучами нестерпимого света, и перед этим сиянием не устоит никакое зло. Сейчас, сейчас, ещё немного, ещё совсем чуть-чуть…

В золотое солнечное сияние словно ворвалось иссиня-чёрное пушечное ядро. Плавно раскручивающаяся спираль соскочила, внутри Маши это отозвалось жутким режущим скрипом – железо по стеклу, патефонная иголка, с хрипом и визгом проехавшаяся поперёк грампластинки.

Чернота не допускала до себя её магию. Отталкивала, отпихивала, не давала хода. Там, внизу, за краем болота, за лесной завесой. И нечто, сопротивлявшееся ей так уверенно, было не одно.

Сознания Маша не потеряла, но ощущения были – словно от сильнейшего удара под дых. Согнувшись в три погибели, она повалилась на влажный мох.

– Маша! Что… – Игорь кинулся к ней. – Петля?! Петля, да?

Это была не петля, но у Маши получалось только хрипеть. Её собственная воля продолжала бороться, удерживая грозившее вот-вот пойти вразнос заклятье поиска.

Яркий день стремительно темнел – словно мраком наливался сам воздух; так бывает, если в стеклянный графин с водой опрокинуть целый пузырёк чернил.

Что-то хрипло крикнул Морозов; один из его людей полоснул очередью по вдруг зашевелившимся кустам, потом ещё и ещё. Вмиг расстрелял магазин, с бранью отбросил, лихорадочно пытаясь вставить новый.

Стали стрелять и остальные, без команды, кто куда. Лица белы от ужаса, рты раззявлены в беззвучном крике, – но ни Игорь, ни Маша никакого врага не видели.

– Вставай, Рыжая, вставай! Гляди, что творится-то!

По болоту, прямо к ним, струились тёмные ручейки невесть откуда взявшейся жижи, над ними поднимался белый парок. Над болотом пронёсся многоголосый стон. Маша вдруг услыхала беззвучное «Бегите!» и тотчас ощутила, как бросились наутёк наблюдавшие за ними лешаки; краем глаза успела заметить метнувшуюся чёрную кошку.

Наступал мрак, наступало ничто, и по сравнению с ним смерть действительно показалась бы просто мирным сном после трудного дня.

Первобытный ужас поднимался с самого дна сознания, память о временах, когда вот такими вот жуткими заклятиями первомаги расчищали место своим племенам. Расчищали, сами не понимая, чему открывают дорогу.

– Маха! Вместе!

– Ага! Давай, держи, петли все на тебе!

Трещала, ломаясь, их тщательно возведённая защита. Кто-то из морозовских милиционеров упал лицом вниз, обхватив голову руками, отбросив оружие; чернота наступала, всё ближе и ближе. Игорь сжал кулаки, лихорадочно выкрикивая слова формулы.

Маша ударила как на фронте, по-русски, наотмашь, раскрываясь и не щадя себя.

Удар словно в вату канул; ничего, ни отзвука, ни отголоска.

За деревьями мрак стягивался в тугие комки, словно коконы. Один, два, три… семь… восемь.

И каждый из них таил в себе такую силу, что даже и присниться не могла.

– Стой! Стой, дура! – вдруг вскрикнул Морозов. Игорь не успел его перехватить, не мог бросить на полуслове начатую инкантацию.

Лейтенант – не иначе разума лишился от страха – выскочил из своего укрытия и припустил в мокрый лес, прямо через топь, ловко перепрыгивая через чёрные ручейки; белый пар лизнул край формы, ткань немедленно задымилась.

Проклятье!

Игорь упустил очередную петлю заклятия. Машка хрипло вскрикнула и упала, по локоть погрузив руки в сырой болотный мох. Игорь, проклиная себя и лейтенанта, бросился к ней. Поднял. Глаза Машки, всё ещё затянутые бельмами, были широко открыты. И тут из её груди вырвался вой. Страшный, нечеловеческий. И от воспоминания о той ночи, когда Игорь слышал такой вой впервые, мурашки рванули по коже. Похолодели руки.

Однако мрак остановился. Ручейки темноты, более похожие на подбирющихся к добыче удавов, замерли, разливаясь иссиня-чёрными лужами среди болотного мха.

– Приведи её, и мы отпустим всех, – глубокий голос, низкий, сорвавшийся на хрип, не мог принадлежать Машке. Игорь тряхнул подругу. Она закашлялась, невидяще захлопала глазами.

– Игорь, что? Остановили их, да? А ты что же, петлю упустил, двоечник?

Игорь прижал подругу к груди.

– Лейтенант сбежал. На болото.

– Плохо, – Машка стиснула руками гудящую голову, потёрла глаза. – Потеряем. Тут дрянь какая-то. Не лесная, точно. Не нежить. Похожие на ту… на ту, что в болоте. Игорёш, не было такого в курсе, ни в базовом, ни в каком. Немного на оборонку похоже. Но для оборонки слишком человечное. Словно звал кто-то.

– Ты чужим голосом говорила, – прошептал Игорь.

– Что говорила? – пытаясь подняться, проговорила Рыжая.

– «Приведи её, и мы отпустим всех».

Машка села, погасила пальцами оставшиеся свечи.

– Кого? Кого, не сказала?

– Тебя, товарищ маг, – вместо Игоря ответил Морозов, выступив из сгустившегося сумрака. Кто-то из бойцов зажёг фонарь, направив луч на командира. Лейтенант шёл медленно, немного пошатываясь. Под глазами залегли густые тени, не лицо человеческое – голый череп. Тьма, однако, больше не сгущалась и не наступала. Маша поднялась, растирая горло.

– Отбились вроде…

– Знаешь что, товарищ лейтенант! – напустился было на Морозова Игорь. Приспичило, понимаешь, по болоту бегать, небось штаны от страха намочил, вояка хренов. А он, Игорь, из-за этого чуть Машку не угробил.

– Погоди-ка, – Маша неловко, слегка сгибаясь и морщась от боли, шагнула к Морозову. Провела рукой перед лицом – тот не отрегировал, тупо глядя прямо перед собой, – оттянула веко, заглянула в зрачок.

– Не видишь, что ли? Пятнадцать по Риману. – Она нахмурилась. – Но зато прямое воздействие. Вытянешь? Мне после Курчатки и всего остального руки сейчас не поднять.

– Ого! – Но удивляться времени не оставалось, Игорь уже укладывал Морозова наземь. Остальные бойцы, придя в себя, глядели на них с изумлением.

– Достали гады нашего лейтенанта. – Ощущая на себе их взгляды, Игорь сказал то же, что приходилось произносить множество раз на фронте. – Но ничего, вытянем. – Последние слова должны были звучать без тени сомнения. – А почему места оставили? За секторами кто наблюдать будет? А если мшаник?

Людей следовало занять. Хотя – если здесь пятнадцать по Риману можно в контакте получить, мшаник наверняка десятой дорогой это место обходит.

Маг положил руки на грудь лейтенанта. Тот продолжал шевелить губами, но Игорь вдруг с ужасом понял, что Морозов не дышит. Неужели не вытянуть?

Жест. Слово. Символ. Сплетённые в магичесий узел пальцы ударили в грудь бездыханного лейтенанта, Игорь торопился нащупать опутавшую Морозова удавку, нащупать и перерезать. Неведомая нечисть показала свою силу – вытянуть пятнадцать на прямом воздействии могли немногие из чародеев.

Удар, ещё удар. Игорь чувствовал, как горло сдавливают незримой петлёй, страх запульсировал в затылке алым. Через силу, заставляя себя дышать, втянул носом воздух, подял руки и, выкрикнув формулу, ударил вновь. Губы Морозова замерли. Вот она, петля, вот нить, тянущаяся к заклинателю, – разорвать!

Игорь прошептал новую формулу – но удавка не поддалась. Что ж за нечисть такое наложить может?!

– Маш!

Рыжая, всё ещё держась за бок, словно после долгого бега, пришла на помощь, как и полагается другу. По-особенному сплетя пальцы, так, что они казались резиновыми, накрыла ладонью рот лейтенанту. Морозов рванулся у них в руках, словно тряпичная кукла, которую дёргает за ниточку кукловод. И обмяк.

Тяжело дыша, Игорь с Машкой взглянули друг на друга.

– Это не нечисть.

– Не нечисть это.

– Верные мысли приходят в умные головы одновременно.

– А кто ж тогда, Маха?

Рыжая покачала головой, отвернулась. Глаза у неё запали, вокруг залегла синева.

– Не знаю, Игорёха.

– Жить будет! – крикнул Игорь оцепеневшим бойцам. – И нам бы неплохо продержаться. А потому – никому с места не сходить! В болото – ни шагу!..

Они просто замерли в ожидании. Сгустившаяся средь бела дня тьма поглощала солнечный свет, вокруг царили предвечерние сумерки. Маша сидела, опустив голову, – второй поиск тоже кончился ничем. Людей они так и не нашли. А тут ещё это послание…

«Приведи её, и мы отпустим всех». – «Кого?» – «Тебя, товарищ маг».

Яснее и не скажешь.

Вот, значит, какое дело тут творилось, вот почему врал, крутил и изворачивался Скворцов. А Игорь-то, бедолага, похоже, так ни о чём и не догадывается…

Матюшин тем временем по-прежнему удерживал вокруг Морозова изолирующий наговор, через который едва различимыми импульсами пытался пробиться тот, кто в контакте давал пятнашку по Риману. На расстоянии было от силы семь. Лицо лейтенанта порозовело, теперь он дышал спокойно и ровно.

– Товарищ маг, – осторожно и тихо позвал кто-то из бойцов.

– Что? – отозвался Игорь.

– Я это… видел, кажись, что-то… – прошептали из полутьмы. – Девочку. Вроде как чернявая. На грузинку похожа. Она лейтенанта пальцем поманила, он и побежал.

– И что? – спросила Машка. – Раньше ты никак не мог сказать?

– Н-не смог. И это, думал, ушла она, – отозвался боец, – А она опять. Я глаза зажмурил. Смотреть боюсь, а она за кривой берёзой стояла. Стоит ещё?

Маги разом вгляделись в темноту. Но тут вместо чернявой девочки из-за кривой берёзы появились несколько растрёпанных баб в окровавленных рубашках, следом выползли на четвереньках двое мужичков. Бабы шли покачиваясь и тихо, обессиленно воя. Один из мужичков не дошёл. Ткнулся лицом в мох и замер; второй, шатаясь, нагнулся к нему, пытаясь поднять.

– Это ж пропащие! – вскрикнул кто-то. – Сюда, бабоньки, сюда!

Но те лишь слепо тыкались в разные стороны, выставив перед собой руки.

Вот тебе раз. Что ж, теперь понятно, что делать. И понятно, кто это сделал.

Маша встала. Боль в боку тотчас проснулась, напоминая о себе.

– Никому не двигаться! – гаркнул Игорь. – Они по топи идут, там под ногами вода одна!

Маша отчётливо видела наброшенное на потерявшихся поддерживающее заклятие. Наброшенное с небрежным шиком истинного мастера.

– Берите их. Игорь, отведёшь в город.

– Что?! – опешил товарищ. – С ума сошла, Машка?

Рыжая досадливо поморщилась.

– Ты ж видишь, какая тут силища. Людей над трясиной держит. Давайте, уходите, кому говорю! Я им нужна, только я. Видишь, людей сами отдают, добровольно? Значит, договоримся. Девчонка-то, она тут, отошла просто, ждёт, пока обменяемся. Я останусь, а ты всех из лесу выведешь. Засечки мои, надеюсь, целы. Болотная нежить Гореева-Нельчина не видит, а они… не станут вас держать, если я останусь. Таиться нечего, включай детектор, из темноты выберетесь, не могла она весь лес накрыть. А потом по тем же следам обратно.

В голосе Рыжей звучало прежнее фронтовое железо, как тогда, в первых боях, когда шли от Днепра и Березины к Висле, летом сорок четвёртого. И спорить с ней смысла не было.

– А ты как же? – Игорь старался уловить то, что почуяла Машка, но подруга всегда была талантливее, да и сил после работы с Морозовым осталось мало. Случись что – хватит только на самую простенькую защиту.

– Я дождусь. Не станут они меня убивать, – прошептала Машка. – Они через меня говорили, значит, с пятнадцатью-то по Риману в контакте и семёркой на дистанции, могли убить в любой момент. Но ждут, что мы с тобой из болота вытравим…

– Кто они? – переспросил Игорь, видя, как автоматчики, осторожно ступая по кочам, подтягивают к себе за руки бессмысленно воющих баб.

– Есть у меня подозреньице, Игорёша, вот и проверю, пока ты народ выведешь. Одно знаю точно – не заблудились бабы. Завёл их кто-то, потому что узнал, что мы с тобой в городе. Маг-теоретик им нужен. И, уж ты не сердись, я посильнее. А значит, и договориться легче. А теперь – иди-иди, товарищ Матюшин. Мороженое должен будешь.

Игорь не задавал вопросов. Не тратил время на бессмысленное «я тебя не оставлю». Кто-то должен был вывести людей. Он собрал всех и повёл по тускло светящимся во тьме магическим меткам.

Рыжая осталась одна. Потрогала серебряную цепочку на шее, вынула из-за ворота крестик и сжала в пальцах. Страх немного отступил, но тьма висела над болотом непроницаемым пологом. Лес, беззвучный и мрачный, молчал, словно ждал от неё первого шага.

Эх, кто ж знает, правильно поступила, нет ли. Понадеялась на себя, на догадку, но и в этом случае – может, зря с Игорем не пошла? Он хоть и не такой сильный маг, но зато человек правильный, честный, прямой, друг искренний и настоящий. Для него всегда только одна правда, один прямой путь. Маша, напротив, всегда сомневалась. Вот и сейчас – задумалась: права ли, что согласилась договориться со здешней нечистью? А может, и не нечистью, да и не здешней… Чего ждать от них – непонятно, но едва ли добра: людей морочат, Морозова едва не угробили, а уж о том, что с теми двумя магами сделали, и вспомнить гадко. Будь на месте Маши Татьяна, та, что за Игорем увивается, или ещё кто из девчонок с курса, не стали бы оставаться. Уж слишком страшно. Так и мерещатся в темноте тела магов с вывернутыми рёбрами. Но Машка не могла уйти. Не было для неё другого выхода. Маги магами, они сами себе такую работу выбрали и к опасностям, связанным с магическим ремеслом, готовы были. Вот люди простые – те ни в чём не виноваты. А раз местные оказались втянуты в магическую игру – надо действовать.

Маша заставила себя распрямиться. «Эх, слишком много сил растратила, брать тебя, товарищ Угарова, можно сейчас почти что голыми руками», – отругала себя мысленно Машка, с досадой одёрнула гимнастёрку. Повернулась лицом ко ждущему, залитому рукотворной тьмой болоту.

– Я тут. Я одна. Нелли?!

В воздухе медленно проявилась тонкая бесплотная фигурка. «Грузинская княжна», не касаясь тёмного бархата болота, двинулась к Машке; та поспешно зажмурилась, прощупывая пространство вокруг себя по Курчатову с поправкой на безветрие и прибывающую луну – сейчас хоть и день, а лунные фазы всё равно важны. Призрак скользил, не пытаясь зацепить её, как Морозова или баб-потеряшек.

Нелли приблизилась, зависла в луче света. Не человек, привидение. Точно такая, как на фото: новенький китель, аккуратные сапожки, причёска. На войну как на праздник уходила тогда седьмая группа…

Остановилась, зависла над мхом, слегка покачиваясь, словно на невидимых волнах. Машу окатило холодом.

– Ты знаешь, кем я была? – спросила Нелли, – Нелли Ишимова, согласно официальной версии, «павшая смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины», – уже неплохо. А ещё что ты знаешь? Я, признаться, не верила, что вы в теории подкованы достаточно, до нужного уровня. Симка сказала, на поиск вас проверить. Мальчик при тебе хоть и хорош, да всё-таки слабоват, а ты – ничего. Умница.

– Так ты… мёртвая? – вырвалось у Маши.

– Я-то? – усмехнулась Нелли. – Не глупи, а то решу, что слишком рано тебя хвалить начала. Это наша форма… где мы больше всего на людей похожи. И я, и… остальные.

Остальные… само собой. Машка вздрогнула, оглянулась, ища глазами Серафиму, главную, старосту «героической седьмой». Но та не появлялась. Перед Машкой по-прежнему дро-

жала в воздухе бесплотная грузинка. И Маша невольно залюбовалась ею. Жалко стало, что такую чудесную красоту спрятала от живого мира в царстве теней страшная ночь сорок первого года. Нелли заметила её взгляд и, оскорблённая мелькнувшей в нём жалостью, метнула на Машу гневный взор.

– Арнольдыч натаскивал? – спросила надменно.

– Арнольдыч, – кивнула Рыжая.

– Кто ж ещё. Умная девочка. По Решетникову защищалась? Вижу по поиску. Хорошая формула. И применяла умело. Себя не ругай, мы ввосьмером едва тебе глаза отвести сумели.

И вновь волна смертельного холода – теперь со спины.

– Хватит беседовать, Нелька, долго нам этот мрак не удержать, – оборвал княжну гулкий хриплый голос. И в тот же миг над головой зашумели тёмные крылья.

Пробив завесу тьмы, одна за одной спускались с помрачённых небес «чёрные ангелы», «серафимы». Одна, две, три… семеро. Восьмая, Нелли, подняла руки к небу, сплетая знакомые Машке формулы. Жест. Слово. Символ. Огромные горгульи опустились на мох, словно говоря: «Вот какие мы на самом деле. Не призраки со старой фотокарточки, навек застывшие в дне двадцать третьего июня тысяча девятьсот сорок первого, а боевые маги, и в самом деле шагнувшие за предел».

– Ты знаешь, кто мы? – гулким скрипучим голосом спросила одна из новоприбывших.

Горгульи раскинули крылья, сплели кривые чёрные пальцы в заклинательных жестах. Тихий шёпот оборвался внезапно, и вой – многоголосый, страшный, мучительный – разорвал тишину. В воздухе запахло палёным пером и мясом. Горгульи менялись на глазах, однако обращались отнюдь не в призраков.

– Знаю, – полушёпотом отозвалась Машка, дождавшись, когда «серафимы» примут человеческий облик.

Впрочем, *человеческим* его можно было назвать лишь с большой натяжкой. Ни один человек не мог бы вынести таких повреждений. Лопались как стебли камыша и вновь срастались кости, скручивались, кровоточа, мышцы под лоскутами обгорелой кожи, сжимались плечи, вставали на место вывернутые лопатки.

– Это он прислал тебя? Он? Виктор? – судя по высокому росту, говорила сама староста седьмой группы, Сима Зиновьева. От её толстой пшеничной косы ничего не осталось. Обожжённое лицо искривилось в подобии улыбки.

– Нет, – ответила, не раздумывая, Машка, но замолчала и почему-то добавила: – Не знаю. И да, и нет, наверное. Но… вас только восемь. Где девятая? Если она хоть когтем тронет Игоря, я…

Преобразившиеся горгульи переглянулись, Сима отрицательно покачала головой.

– Девочка, что мы, фрицы, убивать безоружного мага, – отозвалась она. – Мы его не тронем, а Сашка… Сашки нет. Мы её в болоте заперли. Она оборачиваться перестала и тех двух магов заела. Мы заперли, а ты её чуть не выпустила… Так это не Виктор тебя прислал?

– Не совсем, – осторожно отозвалась Машка. – Специально не посылал, но в город нас распределил. В город, где нам и работы-то не нашлось.

– А про нас? Ничего не говорил? – не утерпела другая из «серафимов». Обожжённое, полуобугленное лицо болезненно сморщилось. – Не вспоминал?

Маша усилием воли погнала назад подступающие слёзы. Вспомнила, с какой неподдельной болью говорил Виктор Арнольдович о своих «ангелах».

– Вспоминал, – выдавила она, уже понимая, что невесть каким чудом выжившая седьмая группа вкладывала в это совсем другой смысл. – У него фотография ваша в кабинете, на самом видном месте… И говорил про вас, но…

– Но искать-помогать не посылал, – жёстко перебила Сима. Низким, по-настоящему «командирским» голосом.

– Не посылал, – призналась Маша, опуская голову. – Но он же не знает, что вы живы, что здесь! А так бы сам примчался, немедля, в тот же момент…

Лицо Серафимы исказила дикая сумасшедшая улыбка. Кто-то из девчонок захохотал – совершенно нечеловечески.

– Если б сам приехал, мы бы, пожалуй, передрались тут, решая, кто ему глотку перегрызёт, – проговорила одна из девушек, судя по росту и фигуре – Оля Колобова. – Вот славный вышел бы конец для группы-семь. А, девчата?

Маша растерянно глядела на «серафимов». Не призраки, не ангелы смерти, непобедимые горгульи – люди, они, как могли, попытались преобразиться обратно. Сошедшая с ума магия отомстила им жестоко – по обгоревшим телам струились ручейки сукровицы, даже дыхание причиняло «серафимам» нестерпимую боль. Но даже она казалась пустяковой по сравнению с той, что тлела мучительным жаром у каждой в душе. Маша почти физически ощущала её.

– Это он бросил нас здесь, Мария, – резко сказала Серафима, скрещивая на груди почерневшие руки. – Сначала сделал из нас ангелов смерти, а потом бросил.

Машка отшатнулась, продолжая прижимать руку к горлу. Крестик на груди накалился и, казалось, вот-вот прожжёт видавшую виды гимнастёрку.

«Это неправильно, невозможно! Это же Отец!..»

– Не может быть! – Она сжала кулаки. – Нет, он никогда бы не… Он хороший человек. Я знаю. Я у него училась, у него защищалась. Когда Отец о вас говорил, ему было больно, я видела. Он просто не знает, где вас искать, а как только мы ему скажем, он… он приедет, сразу приедет и поможет, честное слово, поможет!

Ответом стало лишь красноречивое молчание. «Серафимы» сошлись вместе, обступая Машу. На изуродованных огнём лицах – лишь кривые и злобные ухмылки. Как раз горгульям впору.

– Вы зовёте его Отцом, – проговорила наконец Сима, садясь. От влажного мха поднялись струйки пара. – А тогда, десять лет назад, мы звали Учителем. Или Виктором. Он сам так хотел. Чтобы – как старшего брата. Мы тоже у него учились. И доверяли ему так же, как вы с тем мальчиком, что ушёл, Игорем. И даже больше. А Сашка Швец просто любила его без памяти. Позови он – в огонь бы прыгнула. Хотя… Когда позвал, все прыгнули. Такой уж он человек.

– Потом началась война, – добавила Оля, вторая Оля, полненькая. Она не сумела перевоплотиться вполне, присела рядом с подругой, укрыв её обгоревшие плечи крылом, – мы ушли все вместе. Шутка ли, отряд магов. Пусть и девчонки. Но Виктор написал какие-то рапорты, добился, чтобы командование выслушало… И нас тогда, в июне, не раскидали по фронтам, как других. Дали шанс остаться вместе. Мы радовались до невозможности. Дурочки.

Сима кивнула, подхватывая:

– Первая чисто девичья спецгруппа… Мы ничего не боялись, в смерть не верили. Теперь вот – верим, да только она в нас, видно, разуверилась, – она невесело усмехнулась. – Начали под Борисовом в Белоруссии, пока ещё просто магами, не этими… не «чёрными ангелами». У нас получалось. Пришли первые победы. Первые раны. Но про раны мы не думали – фрицы вперёд пёрли, кто погибал, кто бежал, а кто и в плен… А мы побеждали! Учитель тогда говорил о долге и верности. Тебе он о верности тоже говорил?

Машка кивнула. Слёзы стояли в глазах. В горле ком.

– Немцы подошли к Смоленску. Мы держали Ярцевские высоты, коридор, им наши из окружения выходили. Драка была дикая, фрицы тоже не ботфортом трюфеля хлебали. Своих магов перебросили, и каких! Группы «Зигфрид» и «Бальмунг», слыхала о таких?

Маша только и смогла, что вновь кивнуть.

– Молодец, что знаешь… В общем, тяжело пришлось, насыпали перцу нам на хвосты по первости. В общем, дело – дрянь, коридор наши удерживают из последних сил, а у гансов и

танки, и самолёты, и маги… Виктор сам из боёв не выходил, что правда, то правда, за спинами других не отсиживался… Короче говоря, вспомнили у нас об «ангелах»…

– Виктор вспомнил, – еле слышно прошептала «грузинская княжна» Нелли.

– Виктор вспомнил, а предложила Сашка. – Горечь и боль в голосе Симы резали верней ножа. – Он вроде как даже отговаривал по первости…

– Ага, отговаривал! – вскинулась другая девушка; с трудом, но Маша узнала в ней Юлю Рябоконь. – Как же! «Ох, девочки, нет, опасно это. Дорогу назад потерять можно…», а полминуты спустя: «Сорок второй полк отходит, подмоги просят. «Бальмунги» там, людей заживо жгут… Нет, конечно, «ангелов» нельзя, никак нельзя…» Так и взял на слабо, как детей!

– Сашка и предложила первая, и первая под трансформацию пошла. Она за один его ласковый взгляд готова была на всё. Когда оборачивались, больно было так, что не представить, пока не переживёшь. Орали, помнится, хуже, чем когда режут…

А потом пришла настоящая победа. «Зигфридов» перебросили – думали, только добить нас остаётся, одна группа справится. А мы вколотили хвалёных «бальмунгов» в землю, размазали. – Сима кровожадно ухмыльнулась, и остальные «серафимы» ответили. – Ну, и началось… Налетали по ночам. Рвали проклятых фрицев в куски. Они бежали, прятались, стреляли, а мы летели, рвали и кровь пили. Не пробуй кровь, девочка, её вкус надолго запоминается. Сколько лет прошло, а всё чувствуется, словно вчера. Нас тогда прозвали серафимами. Полтора месяца. Нашей тени боялись! Сети заговорённые фрицы вешали, дескать, не прорвутся…

– А мы прорывались! – Колобова по-мужски ударила кулаком в ладонь, полетели чёрные частички гари. – Сашка Швец всегда первая в небо… Мол, ничего, девчата, больно, но я сдюжу. И сдюжила, сдюжила ведь! Ревела потом от боли, но ничего, не сдавалась! Ну, и мы тут же следом… Сима ведёт, мы за ней. Эх… весело было.

И остальные «серафимы» смотрели сейчас словно сквозь Машу – они вернулись на свою войну, победоносную, но такую короткую…

Сима кашлянула – облачком пепла из лёгких.

– За Смоленском тогда их остановили, да ненадолго. Впрочем, ты, Мария, сама помнить должна.

Маша помнила.

– Когда пошли гансы на Москву со всех сторон – вот тут главное-то веселье и пошло. Ну, мы и потешились… от души. – От усмешки Симы по Машкиной спине стекал холодный пот. – Тогда она ещё оставалась у нас, эта душа… Хотя и свои, кто знал, уже начинали шарахаться.

– А потом весть пришла, – всё так же негромко сказала Нелли, – что собирают фрицы кулак здесь, к югу от Москвы, чтобы, значит, в бок нашим ударить. Прорвались, пошли на Карманов. Учи… Виктор нам тогда и говорит: «Все резервы фронта в бой брошены, все тыловики, кашевары, ездовые, штабные роты… а кармановскую дыру, кроме нас, затыкать всё равно некем. Есть там один ополовиненный полк, так немцы новых чародеев прислали, пройдут они сквозь наших и не заметят, что кто-то там и есть».

– К тому времени уже дело у нас плохо было, – заговорила Оля Рощина голосом, из которого так и не ушли до сих пор ни доброта, ни мягкость. – Как «бальмунгов» прикончили, Сашка с того дня полностью возвращаться и перестала… – Она опустила голову и замолчала, словно стыдясь чего-то – наверное, что не уберегла подругу.

– Верно, – кивнула Серафима, продолжая рассказ. – Это всё он, вкус крови. Поили демонов кровью, вот они и крепли. А Сашка – больше всех. Ради него, Виктора. За один его добрый взгляд. Сперва не обратилась, а потом… потом и вовсе перестала быть Сашкой. Потом Лена, Юлька и Оля не сумели сбросить крыло. Виктор был с нами всё время. Утешал, подбадривал, говорил, что нужно перетерпеть, мол, а потом, как станет полегче на фронте, вернёмся

в институт. Там народ толковый, подумаем вместе… Подумали, нечего сказать! – Последние слова она почти что выплюнула, с настоящей подсердечной ненавистью.

– Виктор нас на последнее задание послал, – подхватила Рощина. – Дескать, выдохлись немцы, это у них последний шанс. Здесь, в этих болотах, сказал, прячется их новая группа, пожиже «зигфридов» или «бальмунгов», но тоже страшна. Надо, девочки, с ними покончить. Они тогда и Карманку перейти не дерзнут, а резервы наши сибирские уже на подходе.

– И ведь не соврал в этом… – эхом откликнулась Нелли.

– Не соврал, – кивнула Сима. – Сказал, надо просто фрицев здесь перебить и вернуться. Мол, в болотах они прячутся, думают, мы их там не достанем. Перебить и вернуться. А потом, говорит, нас с фронта отзовут, вернёмся на кафедру, будем разбираться. Сам с нами не пошёл, сказал, вызвали к командованию. Мол, вы же мои девочки, я на вас надеюсь, рассчитываю. И без меня справитесь.

– Справились, нечего сказать, – мрачно изрекла молчавшая до того девушка, похоже, Лена Солунь.

– Справились… – горько кивнула Сима. – Фрицы нам засаду подстроили. Не дураки были! А может, кто-то из «зигфридов» у них был в группе, или из «бальмунгов» выжил-таки кто-нибудь, надоумил, не знаю.

– Магов тех, что в болотах прятались, мы на тряпки порвали, – перебила Колобова. – Даже косточек не осталось…

– В общем, справились, как Виктор и говорил, – подхватила Юля Рябоконь. А на тёмном, наполовину покрытом антрацитовыми перьями лице жили одни глаза – большие, синие. На фотографии не было видно, насколько синие. – Всех перебили, а тех, кто после первого прохода нашего уцелел, – в болоте утопили.

– Пирозаряды, – бросила Рощина, и все разом замолчали. – И, кроме этого, ни одного выстрела. Зажигалки. Какие-то особые, да ещё и магией приправленные. И… заполыхало всё вокруг. Мы как раз в Михеевке были… Когда… трансформация пошла за пределом. Вам это должны были хорошо читать, ты поймёшь, Мария.

Машка поняла без объяснений. Не зря до Решетникова занималась Фокиным и теорией стихий Золотницкого – Джонса. Оборот «серафимов» Арнольдыч провёл по формуле для воздуха, температурный предел небольшой, для ночных вылетов норма, зато облегчает обратный ход. В огненной западне температурный режим оказался превышен, и…

– И, когда мы из огня таки вырвались, захотели вернуться – нетушки, баста. Оказалось, заперты. Больно было жутко. Метаморфоза при повышенных температурах – все системы шли вразнос. И знаешь, что было больнее всего, Мария? Вот это.

Юля провела рукой по груди. Там, раскаленный докрасна, вплавился в кожу серебряный крестик. Отцовская забота.

– Вижу, и у тебя такой. Маячок это. Только не по Курчатову заряжен. Так что знает Арнольдыч, где мы. И где ты сейчас – тоже знает. И не зря он прислал вас в этот Карманов. К нам прислал… Проверить, надёжно ли заперты его… «ангелы». – Рябоконь усмехнулась, досадливо подняла крыло, которое начало погружаться в болотную жижу.

– Как поняли, что заперты, сразу догадались: никто из здешних магов такого сделать не мог, – проговорила Поленька. – Это он. Виктор. Учитель!

– Не может быть, – упрямо сжав кулаки, повторила Маша. Слова точно не желали выговариваться, повисали на губах, грозя свалиться прямо в болотный мох. – Виктор Арнольдович… Отец… он не предатель! Да и с чего вы так уверены? Он вас погибшими считает! Знает, что на болоте остались – он и председателю нашему, Скворцову, это рассказывал! А «маячки» – так они, если и сигналят, так только о том, что вы тут, в топях! Где ж вам ещё быть, коль вы погибли?! Что ж до замков – вы всех сильных магов тогдашних наперечёт знали, как радистов, по «почерку»? Как оно всё было? Вы точно помните?

«Серафимы» расхохотались дружно, со злым удовольствием. Машу продрало ознобом. Нет, не хотела бы она встретиться с ними на узкой дорожке, да ещё и в темноте…

– Точно, точно, – отсмеявшись, бросила Серафима. – От сгоревшей Михеевки мы как раз к Карманову путь держали. Через вот это самое болото, будь оно проклято. И вдруг – как на стену налетели, да не просто так, а… ну, будто электротоком тебя бьёт, да так, что светиться начинаешь. И так скверно было, еле-еле из пламени выбрались, кто-то едва в воздухе держится, перья на лету горят и выпадают, не успевали новые отращивать – а тут стена, разряды, белые молнии! – не помнили, как в топь свалились. Попытались пешком выбраться – опять не выходит. А уж коль ты, Мария, про «почерк» вспомнила – так вот, «почерк» Виктора мы в этих замках и опознали. Мы-то с ним, не забывай, плечом к плечу три месяца на фронте. Там быстро всё узнаёшь и запоминаешь.

Машке очень хотелось выкрикнуть им в искажённые жуткими ожогами лица что-то убийственное, доказать, что они неправы, что всё это – чудовищная ошибка, что нет на них никаких «маячков» – зачем Отцу держать в собственном кабинете фотографию седьмой группы, если он их предал и бросил? Но все слова казались сейчас плоскими, глупыми и бессильными. Пустыми, сгоревшими, как и сами «чёрные ангелы».

– Вижу, что сказать хочешь, – проницательно заметила Серафима. – Спорить хочешь, убеждать, доказывать. Виктор для тебя много значит… Хоть и не столько, сколько для нас значил, и уж конечно, не то, что для Сашки.

– Она после ловушки-то окончательно облик человеческий и потеряла, – вздохнула добрая Оля Рощина. – Была Саша Швец, а тут вместо неё… мы-то, хоть и обгоревшие, не до конца обратившиеся, но всё-таки прежние. А она – нет.

– Умерла Сашка, – отрубила Серафима, взгляд её давил Машу, словно тяжёлый танк. – Нет её больше. Монстр болотный, чудовище. Что ж ты молчишь, Нина?

– Чудовище, – проговорила молчавшая до этого Громова. Она была самой крепкой, ширококостной из всех, но, казалось, съёжилась, ссутулившись, когда староста потребовала от неё сказать своё слово. – Она… хотела убить меня, когда я обратилась, а она… нет. Я… хотела помочь, пыталась. Но нет там больше Сашки, собственный демон её сожрал. Тот, которого она ради Арнольдыча выкормила.

– Есть! – выкрикнула Ленка, прижимая одну оставшуюся человеческой руку к груди. – Не умерла! Жива! Просто её вытащить нужно, спасти, обратить…

– Хватит, Солунь! – рявкнула Серафима. – Уймись! Говорено-переговорено всё, и всё, что можно, испробовано. А чем кончилось? Не будь нас рядом, не сумела бы Нина от Сашки убежать. Двоих магов кто загрёб, прежде чем мы даже «ой!» вскрикнуть не успели?!

Лена Солунь отвернулась, плечи её беззвучно вздрогнули. Оля Рощина с немым укором взглянула на суровую старосту, пересела, обнимая плачущую подругу.

– Всё равно, – Машка наконец обрела силы говорить. – Вас всех спасать надо. И её, в смысле – Сашу.

– Ещё одна идеалистка, – желчно усмехнулась Серафима. – И, кстати, сейчас у нас идеалистов таки прибавится.

– Это почему?!

– Да потому, Мария, что дружок твой сюда мчится сломя голову. Не чувствуешь его? Нет?

Машка обернулась.

– Нет! – завопил Игорь, тяжело дыша и вываливаясь из кустов. Тропу он потерял и сейчас бежал очертя голову прямиком через трясину. У Маши пресеклось дыхание – сейчас ведь ухнет… и поминай как звали, не вытащищь, не поддержишь…

Серафима сделала экономно-ленивое движение, Маша ощутила толчок чужой магии, магии «чёрного ангела», уже… не совсем человеческой. Игорь что-то учуял тоже, вскинул на

миг голову, уставившись на кружок девушек. Шумно дыша, побежал дальше, упрямо и напролом через болото.

– Оставьте её, слышите?! Меня берите, если нужно!

Ну, конечно. Не мог лучший друг её вот так бросить. Примчался сломя голову обратно.

И Отец оставить девчонок не смог бы тоже!

– Меня! Меня возьмите!

«Серафимы» разом уставились на бегущего.

– А он милый, – проговорила Юлька. Улыбнулась всхлипывающая Лена Солунь.

Только сейчас Маша заметила в руке у Игоря «ТТ». Небось забрал у полубесчувственного Морозова.

Выстрел. Игорь не думал, он действовал.

Пуля ударила в скулу пухленькой Оле, высекла сноп искр и отскочила, как от танковой брони. Рана быстро затянулась, сверкнув язычком пламени. Оля только вздохнула и развела руками.

– Не торопись, мальчик, – властно проговорила Сима. Машка подумала, что из неё вышел бы хороший преподаватель: голос глубокий, звучный, хрипотца исчезла, как только облетели с плеч последние перья. – Убери оружие. Здесь фашистов нет.

– А кто тех двоих магов тогда?.. Если фашистов нету?!

Глаза у Серафимы опасно сузились.

– Не мы. Ни одна из здесь присутствующих. Спрячь пистолет. Им ты нас не напугаешь.

Игорь повиновался, хоть и с явной неохотой.

– Маш! Ты цела, Машка?!

– Хотела б я, чтобы за меня так кто-нибудь переживал. – Машке показалось, или в голосе синеглазой Юли прозвучала почти забытая ревность?

– Так вот, слушай, Мария, – Серафима менять тему решительно не желала. – Скажу тебе сейчас при всех, чего ещё никому не говорила. Даже им, – кивком указала она на остальных из седьмой группы.

Она помолчала, словно собираясь с силами.

– Я ж тогда не остановилась. Я след Виктора почуяла. И… через первый барьер пробилась, который остальных задержал. Догнала уже у последнего заслона. Я сильный маг, сильнее тебя, не в обиду будь сказано. Поэтому он меня старостой и назначил. Преграду сумела пробить, пока силы оставались, да и страх помог. Как представила, что останемся здесь навсегда, – так и прошла сквозь стену. Видно, могла ещё контролировать тогда свою формулу. Сама прошла, а других провести не смогла уже. Ну и… добралась до него. Он как раз замки запирал, да только меня тогда, наверное, весь ректорат, вместе взятый, остановить бы не смог.

Остальные «серафимы» все обратились в слух. Игорь недоумённо косился по сторонам.

– Зацепила я его, – с мёртвым выражением продолжала Сима. – В ногу попала. В грудь-то не решилась, не смогла… тогда. Сейчас-то уже б не дрогнула, а тогда… верила ещё, наверное, во что-то втайне, дура. Ну и лицо ему тогда попятнало. Думала, втащу за стену, заставлю снять… Дура, дура, дура и есть!

Девочки уставились на Симу так, словно видели впервые. Она опустила голову, закрыла глаза, надеясь остановить слёзы.

– Он стоит, бледный весь, за бедро держится, кровь хлещет, а сам мне: ты же понимаешь, Сима, у меня не хватит сил теперь. Я думал, всё по-другому будет. Но… вы сами уже не сумеете вернуться. Вы сейчас не люди, вы для остальных опасны. Просто продержитесь, я найду способ вас вытащить. Продержитесь, пока всё успокоится. Закончится война, уляжется шумиха… Давно она закончилась?

– Семь лет уже, – проговорил Игорь, стараясь оставаться между сидящей на кочке Машкой и «чёрными ангелами». Он то и дело поглядывал на подругу, словно хотел намекнуть ей, дать знак. Но Машка не смотрела в его сторону.

– Мы ждали. Потом перестали ждать. Попытались вытащить замки, но… сами знаете. Зачаровывал декан, генерал магических войск – нам близко не подойти.

– Даже с пятнашкой по Риману? – буркнул Игорь.

– Это у Нельки пятнадцать, – отозвалась Сима, – я могу девятнадцать. Но он – больше двадцати. Даже двадцать три, наверное, если с перепугу. А я, поверьте, сумела тогда его напугать. Вы замки видели. Вас кошка водила. Там, где кровью помечено, здесь, под ногами. Ещё место я укажу. Смотрите сами, сами решайте – кто их ставил и зачем.

Она замолчала, на миг уронив лицо в ладони. Почти человеческое лицо в почти человеческие ладони.

Но Серафима оставалась Серафимой, всё той же старостой седьмой группы. И заговорила вновь, прежним ровным голосом, словно и не замечая гробового молчания остальных «ангелов». Это был не укор, вопрос. Два вопроса. Первый: «И ты молчала?» И, сквозь него, второй: «И ты вернулась? Могла уйти, и вернулась?»

– Вот так мы здесь и оказались, – словно не замечая этого вопрошающего взгляда, продолжила Сима. – Сперва надеялись Сашку вытянуть, вернуть, но куда там! И верно, здесь маги посильнее нас нужны, а главное – расчёты правильные. Мы-то перед войной выпускались и тогда ещё слышали, что Решетников над теорией своей работает, может, сейчас и наработал чего?.. В общем, сидели мы тут и ждали. Потом… Сашу пришлось самим уже запирать. И то не до конца получилось, иначе те двое чародеев бы не погибли.

– Их, кстати, тоже Виктор Арнольдович посылал! – с пылом заявила Машка. – Втайне от начальства! Стал бы он это делать, если…

– Если что?! – оборвала её Серафима. – Они сюда не просто так явились, а «последствия боев убрать». Сделать замеры, по-быстрому рассчитать и почистить. Слышали мы их разговоры… Фронтовые маги, бывалые. Но самонадеянные слишком. Виктор и их обманул, наплёл с три короба, что на болотах «фон высокий, возможно, необезвреженные магические боеприпасы остались»! Мы то есть – последствия боёв, необезвреженные боеприпасы! Вот и искали они… не то, что нужно. По уму, померили бы, поискали, как вы, по хорошей формуле, и, не трогая, доложили, но плохая из них команда получилась, сработали вразнобой, да так, что Сашку не то что придавить – силой накачать умудрились, так что нам туго с ней пришлось. Почти как тогда, когда в первый раз её в трясину загоняли. Вот такие мы… «боеприпасы».

– А Сашу что же, на детский утренник посылать надо? – вдруг негромко сказал Игорь. – Она что – не зло? Она ведь и нас едва не…

Серафима осеклась. Другие девушки тоже глядели кто куда, лишь бы не в глаза молодому магу.

– Бойцы сейчас должны из леса выходить. Я их на тропу поставил, проверил, да и кошка снова там крутится, дорогу показывает. Фокин дельный малый, доведёт. – Игорь воспользовался паузой. – Дело сделано, Маш.

– Спасибо, – она нашла его пальцы, слегка сжала. – Ты молодец, Игорёха. Теперь вот только девчонок выручить…

– «Серафимов», – с непонятным выражением проговорил Игорь. – Вот, значит, в чём тут дело было, вот почему Скворцов так юлил!

– Их тут заперло, – Маша специально не сказала «запер» или даже «заперли». Неопределённо-безличное «заперло». Может, от природной аномалии какой.

– Не заперло! – взвилась Оля Колобова. – А запер, запер, слышишь, нет?!

– Если Виктор Арнольдович это и сделал, то нас-то зачем сюда отправлял?! – не сдавалась Маша. Игорь вертел головой, стараясь восстановить по обрывкам пропущенный разговор. Как понял, поражённо уставился на Машку.

– Не знаю, – развела руками Серафима, – зачем он вас послал. Может, полагал, что вы нас добьёте по-тихому, чтобы всё шито-крыто и никто ничего не узнал. А может, ему повод требовался. Чтобы не вы нас, а мы вас бы добили, руки ему развязали. Тогда можно зону особой опасности зачистить с дистанции, не разбирая, что к чему. А уж потом на пепелище пусть ищут, кто виноват.

– Если он такой негодяй, как ты его тут выставляешь, никаких поводов бы и не потребовалось.

– Он трус! Трус! – выкрикнула Колобова. – Всегда начальства боялся, всегда лебезил, всегда угождал! Чужое себе приписывал!

– Мы о таком не слышали. – В голосе Игоря тоже закипал гнев. – Наоборот. Когда Виктора Арнольдовича – для солидности – в соавторы статей звали, он всегда отказывался. Мол, я тут ни сном ни духом, а если какой совет и дал, так это ничего не значит, вы б и сами догадались.

– Дурак, – Колобова надвинулась на Игоря так, что его охватило жаром. – Виктор – он знает, когда надо позу благородную держать, а когда на коленках стоять и лбом об пол колотиться. Невелика доблесть имя своё со статьи снять, у него их и так сотни небось!

– Хватит, Оля! – поднялась Серафима, решительно положила руку на плечо Колобовой. – Так мы с места не сдвинемся. Виноват Виктор, нет, и вообще какого мнения эти двое – неважно. Нам выбраться надо. Слушайте меня, Мария, и ты, Игорь. Мы – седьмая группа. Мы – «чёрные ангелы». Лучшие, хоть и на год ускоренный выпуск. У вас, друзья мои, только один шанс уйти отсюда – если уберёте замки, если снимете барьер. Вы теоретики, не практики. Поисковое строите крепче, чем боевое и защиту, но строите по-фронтовому, широко, смазываете входной символ, значит, воевали. Реанимация в рамках базового курса – не сразу откачали своего лейтенанта. Нелли у нас по медицине лучшая – чаровала она, не умер бы, даже если б вы и не справились. А засечки ты, Мария, не совсем чисто поставила. Я рассмотрела – модифицировала чуть-чуть, на ходу, для скорости. Так что можешь головой не крутить, я сразу поняла – ты теоретик толковый, талантливый. Проверки все прошла чисто, иначе не стоило рисковать и показываться. Так что выбора у вас, ребята, нет. Либо все выйдем с этого болота, либо все останемся. Сама знаешь, девочка, хоть ты и сильная, но у нас восьмерых средний балл по мощности заклятья шестнадцать. А у вас с другом на двоих – не больше тринадцати. Подумайте.

– Угрожаешь? – набычился Игорь, не опуская взгляда. – Знаешь, тут и я скажу – правильно вас с такими-то мыслями тут закрыли. Вы для людей опасны!

– А ты бы что стал делать? – выкрикнула Юля, та самая, назвавшая Игоря «милым». – Сидеть и смерти ждать? С собой покончить? Так мы даже этого не можем! Наши заклятия нам самим повредить не в силах!

– Не угрожаю я. – Серафима спокойно выдержала взгляд Игоря, продолжила, взвешивая каждое слово: – Отроду не врала и сейчас не стану. Снимите замки – и никому не будет беды. Слово даю.

– А как мы эти замки-то снимем? – запальчиво начал Игорь. – Небось не бабушкина задвижка на буфете, где конфеты спрятаны!

– Она, – Серафима кивнула на Машу, – постарается. Если кто и сможет, так она. Если и не замки снять, то сделать так, чтобы не было больше нас на этом болоте…

Машка молча встала, шагнула к Симе («Стой! Ты куда?!» – вскинулся было Игорь), положила руку на плечо «ангелу». Враз окутало жаром от изменённой магией кожи, руку нестер-

пимо жгло, но Рыжая, сжав зубы, терпела и удерживала ладонь на плече своей предшественницы.

– Сима… милая… Если мы и снимем барьер, что вы станете делать там, за стеной? Мстить Потёмкину? Ну, хорошо, даже если вы его убьёте или замучаете, что с того? А если он таки не виноват? Если не мог ничего сделать – и сейчас не может? Война окончена, к прежней жизни возврата уже нет…

– Может, да, а может, и нет. – Юля Рябоконь смотрела твёрдо и решительно. – Пока мы живы, жива и надежда. Может, найдётся на земном шаре уголок, где живут твари и пострашнее нас, и никто их не трогает.

Маша не ответила. Да, «серафимы» были сильны, очень сильны. И трансформация, поневоле жуткая и причинявшая страдания, дала им тоже немало. Взять хоть те же три формы – призрачную, боевую и человеческую! Решетников в последней статье только-только подбирался к подобному для обычных магов и писал так сложно, что Машка при всём старании поняла немногое.

Но надежда… она и впрямь умирает последней.

– К делу, – кашлянула Серафима. – Ты берёшься или нет, Мария? Вытащите замки? Вы вдвоём должны справиться. А если не справитесь – тогда… езжайте к Виктору, пусть даст вам всё необходимое для тихой зачистки болота. Мы… не станем сопротивляться, если обещаешь, что всё будет кончено.

Машка вскинулась, собираясь возразить.

– Нам надо поговорить, – решительно вмешался Игорь. – Маша, на два слова?

– Тоже мне, секретчики-ракетчики, – усмехнулась староста седьмой. – Хотите, за вас всё скажу? Мол, с ума сошла, Маша, этаких страховидлов выпускать? А если они людей жрать начнут почём зря или убивать? А, Игорь? Ты об этом ведь сказать хотел? Что мы – чудовища, и самое место нам в этой тюрьме с невидимыми стенами, на гнилом болоте? А ещё лучше – воспользоваться щедрым предложением номер два и покончить с нами, как с фрицами, «убрать последствия боёв»? Но мы тут и так десятку отмотали уже. Даже больше, одиннадцать лет почти. Правосудие у нас в советской стране гуманное, такие сроки убийцам дают.

– А средь вас убийца и есть. Одна. Пока что, – не смутился Игорь. – Александра Швец, что с ней делать? Тоже на свободу? Как говорится, «с чистой совестью»? А кто за тех двоих ответит, а?

Но и Серафима оказалась не лыком шита.

– За тех двоих ответит Потёмкин Виктор Арнольдович. Его вина. Он их сюда послал, как ты говоришь. Неподготовленными, иначе не попались бы они Сашке так легко, и мы б успели что-то сделать.

– Да? – Игорь саркастически поднял бровь. – А если вы последуете за этой вашей Сашкой? Одна за одной? Не одно чудовище, а девять, и не запертые в болоте, а на свободе? А? Можете дать гарантию, товарищ Зиновьева?!

«Ангелы» возмущённо зашумели.

– Тихо! – прикрикнула Сима. – Ты каким местом слушал, товарищ чародей? Десять лет мы уже тут, а кроме Саши, все как были, так и остались! Остановились все процессы, понимаешь ты или нет? Даже Сашка несчастная дальше не превращается, хотя есть ещё куда. Нет, дорогие мои, отсюда мы выйдем или вместе, или не выйдет никто. Я сказала.

Игорь поглядел на Машку, и взгляд его, казалось, говорил: «Ты берёшь на себя Зиновьеву, я – остальных, и будь, что будет».

– Нет, – вслух ответила Маша. И, обращаясь уже к остальным «ангелам», сказала громко, чётко, словно на уроке:

– Чтобы вытащить замки, надо знать, как это сделать.

– Стойте! – Оля Рощина вдруг подняла крыло. – Слышите? Там, за лесом…

Миг спустя над кронами взлетели осветительные ракеты, едкий режущий свет пробивался даже сквозь сотканную «серафимами» завесу мрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.